

ГРАНДИОЗНОЕ РАЗВЛЕЧЕНИЕ ОТ НАСТОЯЩЕГО МАСТЕРА!

MIRROR (UK)

МАЙКЛ **КОННЕЛЛИ**

В МИРЕ ПРОДАНО БОЛЕЕ **80 000 000** КНИГ МАЙКЛА КОННЕЛЛИ

ЛОВУШКА ДЛЯ АДВОКАТА

Гарри Босх

Майкл Коннелли
Ловушка для адвоката

«Азбука-Аттикус»

2010

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-44

Коннелли М.

Ловушка для адвоката / М. Коннелли — «Азбука-Аттикус»,
2010 — (Гарри Босх)

ISBN 978-5-389-21963-2

Для того чтобы успешный адвокат по уголовным делам Микки Холлер решил выступить в суде по другую сторону баррикады – а именно в роли независимого обвинителя, – нужно веское основание. И да, оно имеется, потому что «существуют виды зла, которые следует искоренять любой ценой». Вскоре выйдет на свободу человек, почти четверть века назад осужденный за похищение девочки. Она была убита, однако генетическая экспертиза не установила его причастность к смерти ребенка. Заключение подал гражданский иск, требуя многомиллионной компенсации. Поднята большая шумиха. Но Холлеру известна некая конфиденциальная информация. Он почти уверен, что... Дело рассматривается повторно, однако каждый опытный юрист знает, что присяжные под влиянием, а порой под откровенным давлением защиты и обвинения не всегда объективны. Холлеру нужны те, кто будет играть на его стороне, и он заручается их поддержкой, – это бывшая жена, помощник окружного прокурора, по прозвищу Свирепая Мэгги, и сводный брат, детектив Гарри Босх, который будет дознавателем. Вообще-то, на него одна надежда. Лишь благодаря ему можно будет установить, кем же является обвиняемый: жертвой правосудия или жестоким убийцей.

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-389-21963-2

© Коннелли М., 2010

© Азбука-Аттикус, 2010

Содержание

Часть первая	8
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Майкл Коннелли

Ловушка для адвоката

Michael Connelly

THE REVERSAL

Copyright © 2010 by Hieronymus, Inc.

This edition published by arrangement with Little, Brown and Company, New York, New York,
USA

All rights reserved

© А. Н. Круглов, перевод, 2014

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2022

Издательство АЗБУКА®

* * *

Майкл Коннелли – американский писатель, автор детективных романов, в прошлом криминальный репортер, так что полицейскую работу знает не понаслышке. Его публикации имели широкий резонанс, одна из статей получила Пулицеровскую премию, и благодаря этому успеху талантливый журналист был приглашен в такую крупную газету, как «Лос-Анджелес таймс».

В 1992 году увидел свет первый роман Коннелли «Черное эхо», за который автор был награжден премией Эдгара По в номинации «Лучший дебют». После выхода четвертого романа Майкл Коннелли смог целиком посвятить себя писательской работе. Он написал более 30 книг, многие из которых признаны бестселлерами «1 по версии «Нью-Йорк таймс».

Коннелли является обладателем уникальной коллекции литературных наград из разных стран, в 2003 и 2004 годах возглавлял Ассоциацию детективных писателей Америки (MWA), в 2018 году был удостоен престижнейшей премии «Алмазный кинжал» Ассоциации писателей-криминалистов (CWA).

В мире продано более 80 000 000 книг Майкла Коннелли

* * *

Напряженное действие не позволяет оторваться от книги.
Wall Street Journal

Немногие писатели могут так запечатлеть облик улиц Лос-Анджелеса и так показать работу полиции изнутри, как это делает Майкл Коннелли.
Entertainment Weekly

Коннелли умеет так описать рутину полицейской работы, что самые заурядные детали расследования воспринимаются как захватывающее приключение.
Sun-Sentinel

Майкл Коннелли – писатель, которого можно назвать Достоевским в криминальной литературе.
Publishers Weekly

Грандиозное развлечение от настоящего мастера!
Mirror (UK)

* * *

Шеннону Бирну с благодарностью

Часть первая

Убийца на подиуме

Глава 1

Вторник, 9 февраля, 13:43

В прошлый раз меня привел в «Уотер-гриль» клиент, который хладнокровно и расчетливо пустил пулю в лоб жене и ее любовнику. Клиент хотел, чтобы я не просто выступил защитником на суде, но добился полного оправдания и восстановил его доброе имя в глазах публики. Теперь напротив меня сидел человек более опасный – я обедал с Гэбриелом Уильямсом, окружным прокурором Лос-Анджелеса.

Стоял прохладный зимний день. Уильямс пришел с Джо Риделлом – своим замом по персоналу и главным политическим консультантом. Встреча была назначена на половину второго, когда все юристы уже вернутся с обеда в здание уголовного суда и окружного прокурора никто не накроет на сомнительных шашнях с противной стороной. То есть со мной, Микки Холлером, последней надеждой обреченных.

«Уотер-гриль» – неплохое местечко для делового ланча. Приличная еда, приятная атмосфера, соседние столики далеко, не подслушаешь, а лучшей карты вин не найти во всем городе. Здесь можно даже не стелить самому на колени салфетку, потому что официант сделает это за вас.

Прокурорская команда заказала мартини за счет налогоплательщиков, я же решил обойтись бесплатной минералкой. Сделав пару глотков и закусив маслиной, Уильямс наконец перешел к делу:

– Микки, у меня к вам предложение.

Я кивнул. Риделл уже сказал это утром, назначая встречу. Я согласился и сам немедленно принялся звонить, чтобы разведать, откуда ветер дует, однако даже моя бывшая супруга, работавшая в прокуратуре, ничем не могла помочь.

– Я весь внимание. Не каждый день получаешь предложение лично от окружного прокурора. Само собой, моих клиентов это едва ли касается – они не достойны внимания с самого верха, да и вообще у меня сейчас затишье.

– Вы не ошиблись, – сказал Уильямс, – ваши клиенты тут ни при чем. Я хочу поручить вам дело.

Я снова кивнул. Теперь понятно. Они терпеть не могут адвокатов – пока сами не нуждаются в их услугах. Не знаю, есть ли у прокурора дети, но несовершеннолетними я никогда не занимался, и это не так уж трудно установить. Наверное, проблема с женой – поймали за руку в супермаркете или какой-нибудь грязный скандалчик.

– Кого надо вытащить?

Уильямс с Риделлом обменялись улыбками.

– Нет-нет, ничего такого. Предложение следующее: я хочу взять вас на работу, Микки. В прокуратуру округа.

После звонка Риделла у меня в голове мелькало множество версий, в том числе совершенно диких, однако работа государственным обвинителем в них не входила. Я уже двадцать лет состою в коллегии адвокатов и за это время успел попортить нервы прокурорам и полиции – поменьше, конечно, чем громилам из трущоб Никерсон-Гарденс, но вполне достаточно, чтобы навеки закрыть для себя доступ в славные ряды правоохранительных органов. Короче, они не любили меня, а я отвечал взаимностью, и, кроме упомянутой бывшей супруги и единокр

брата, сыщика в Управлении полиции Лос-Анджелеса, никому из них не доверял. Особенно Уильямсу, который был в первую очередь политиком – такие еще опаснее. Пробыв прокурором совсем недолго, он двадцать лет работал адвокатом по гражданским правам и победил на выборах окружного прокурора как независимый кандидат на волне всеобщего недоверия к властям и полиции. Сидя на этом загадочном деловом ланче, я был настороже с того момента, как мне на колени легла салфетка.

– К вам? – Я поднял брови. – В каком качестве?

– Особым обвинителем, работа одноразовая. По делу Джейсона Джессапа.

Я недоуменно застыл. И в самом деле, больше всего это походило на розыгрыш, но... На ланч в «Уотер-гриль» не зовут ради шуток.

– Дело Джессапа? Насколько я знаю, делать там просто нечего. Это же мыльный пузырь!

Уильямс упрямо покачал головой. Упрямо и в то же время с какой-то опаской. Казалось, он убеждал в чем-то себя самого.

– В следующий вторник годовщина убийства. Я собираюсь объявить, что отправляю дело на повторное слушание, и хотел бы видеть вас на пресс-конференции рядом с собой.

Я откинулся в кресле, не сводя глаз с собеседника. За попытками разгадать мысли судей, присяжных, свидетелей и прокуроров в зале суда прошла почти вся моя сознательная жизнь, и я кое-чему научился, но на лицах Уильямса и его прихвостня, сидевших на расстоянии вытянутой руки, ничего прочесть не мог.

Джейсон Джессап был осужден за убийство ребенка и провел в тюрьме без малого двадцать четыре года. Месяц назад Верховный суд штата Калифорния отменил приговор и вернул дело в округ Лос-Анджелеса для повторного слушания. Это решение увенчало собой два десятка лет юридических битв, управлявшихся большей частью из камеры Джессапа. Без устали строка апелляции, ходатайства и жалобы по всевозможным поводам, этот адвокат-самоучка не сумел повернуть вспять колесо правосудия, зато привлек к себе внимание правозащитной организации под названием «Проект генетической справедливости». Их юристы взяли за дело всерьез и в конце концов добились проведения экспертизы семенной жидкости, обнаруженной на платье задушенной девочки.

Джессапа судили задолго до того, как анализ ДНК стал применяться в практике уголовных расследований, и теперь, через много лет, экспертиза показала, что сперма не принадлежала осужденному. Новые данные склонили чашу весов в пользу Джессапа. Верховный суд штата, отметив и другие неувязки в доказательной базе, а также ряд процессуальных нарушений, вернул дело в окружную прокуратуру.

Помимо этого, я мало что знал о подробностях и не читал решения суда, только отрывки из него в «Лос-Анджелес таймс», но скандал получился громкий. Были подняты из архивов многочисленные протесты Джессапа, оставленные в свое время без внимания, его жалобы на произвол полиции и суда. Признаюсь, я не без удовольствия наблюдал, как пресса и телевидение поджаривают моих извечных противников на медленном огне. Если хотите, можете считать это мелким злорадством. Я не имел никакого отношения к процессу Джессапа, да и в окружной прокуратуре уже нет никого из тех, кто работал в 1986 году, но сторона защиты имеет на своем счету так мало побед, что каждое поражение властей неизменно вызывает у нас своего рода корпоративное ликование.

Верховный суд принял решение неделю назад, и окружная прокуратура получила шестьдесят дней на то, чтобы отправить дело на повторное расследование либо освободить Джессапа от всех обвинений. С тех пор не было дня, когда осужденный не появлялся бы в новостях. Он давал бесчисленные интервью лично и по телефону из тюрьмы Сан-Квентин, заявляя о своей невинности и всячески понося полицию и обвинителей, по чьей милости угодил за решетку. Джессап заручился поддержкой нескольких голливудских звезд и заранее подал гражданский иск к городской и окружной администрации, требуя многомиллионного возмещения убытков

за долгие годы несправедливого заключения. В нашу эпоху продвинутых медиатехнологий он имел неограниченную аудиторию и делал все, чтобы получить статус народного героя. Выйдя из тюрьмы, Джейсон Джессап стал бы знаменитостью.

В общем и целом у меня сложилось впечатление о нем как о невинно осужденном, который заслуживает любых возможных компенсаций за четверть века мучений. Даже моих скудных знаний о материалах дела хватало, чтобы понять полную бесперспективность дальнейшего уголовного преследования Джессапа. При наличии результатов генетического анализа это было бы актом политического мазохизма, в склонности к которому Уильямса и Риделла трудно было заподозрить. Разве что...

Я прищурился:

– Вы знаете что-то, чего не знаю я? И вдобавок не знает «Лос-Анджелес таймс»?

Окружной прокурор наклонился ко мне с самодовольной улыбкой:

– С помощью экспертизы Джессап доказал лишь то, что его ДНК не содержится в образцах, взятых с одежды жертвы. Он не обязан устанавливать, чья была сперма.

– Значит, вы проверили по банку данных?

Уильямс кивнул:

– Да, проверили. И нашли.

– Чья же?

– Пока вы не участвуете в деле, сказать не могу, информация конфиденциальная, но она поможет нам выработать такую стратегию обвинения, чтобы оставить в стороне вопрос о ДНК, сохранив в целости общую доказательную базу. Чтобы осудить Джессапа в первый раз, экспертиза не понадобилась, обойдемся и теперь. В восемьдесят шестом мы были уверены, что он виновен, и если я не попытаюсь его осудить теперь, невзирая на шансы, общественное мнение и возможные политические последствия, то пренебрегу своим служебным долгом.

Он говорил словно перед журналистами. Я пожал плечами:

– В таком случае почему бы так и не поступить? Зачем обращаться ко мне, когда у вас три сотни отличных юристов? Во всяком случае, один из них, которого вы маринуете в филиале в Ван-Найсе, взялся бы не раздумывая... Я-то здесь при чем?

– Обвинение не должно исходить от окружной прокуратуры. Слышали ведь наверняка все эти разговоры или читали. История с душком, и никого не волнует, черт побери, что мои люди не имеют к ней отношения. Чтобы представлять дело в суде, нужен человек со стороны, независимый. Кто-то, кого...

– Для этого существует прокуратура штата, – перебил я. – Хотите обвинителя со стороны, вам подберут подходящего.

Тут я, конечно, лукавил, и мои собеседники это знали. Гэбриел Уильямс не мог обратиться за помощью выше, не перейдя линию фронта, огороженную колючей проволокой политики. Главный прокурор штата Калифорния – выборная должность, и все хоть мало-мальски сведущие люди видели в ней следующую ступень карьеры Уильямса на пути к губернаторскому креслу или другим высшим постам. Он ни за что не уступил бы дело, которое может быть использовано против него, даже настолько старое, вероятному политическому сопернику. Никто не станет давать врагу дубинку в руки – ни в политике, ни в суде, ни в частной жизни.

– Нет, мы не станем обращаться к прокурору штата, – отрезал Уильямс. – Мне нужны вы, Микки, известный и всеми уважаемый адвокат по уголовным делам. Публика не сможет усомниться в вашей беспристрастности, поверит вам и примет обвинительное решение, которого вы добьетесь.

Мы молча смотрели друг на друга. К столику подошел официант, чтобы принять заказ, но Уильямс отослал его жестом, даже не взглянув.

– Мне мало что известно об этом деле, – сказал я наконец. – Кто будет защищать Джессапа? Трудно было бы выступить против коллеги, которого я хорошо знаю.

– Пока у него есть только юрист от «Генетической справедливости» и адвокат по гражданскому делу. Защитника он не нанимал – очевидно, уверен, что мы не станем упорствовать.

Я кивнул: одно препятствие снято. Уильямс продолжил:

– Джессапа ждет большой сюрприз. Мы привезем его сюда и осудим заново. Он виноват, Микки, больше вам пока знать и не требуется. Девочка убита – что еще нужно обвинителю? Возьмите дело – в интересах своих сограждан и в собственных интересах. Кто знает, может, вам понравится, и вы захотите остаться. В таком случае мы всерьез рассмотрим вашу кандидатуру, обещаю.

Я задумчиво рассматривал скатерть и невольно представлял свою дочь, наблюдающую в зале суда, как я выступаю на стороне народа, а не обвиняемого. Уильямс продолжал говорить, не зная, что решение уже принято:

– Конечно, мы не в состоянии выплатить ваш обычный гонорар, но если вы примете предложение, то не думаю, что из-за денег. Само собой, вам будут предоставлены офис и секретарь, а также все необходимые услуги экспертов-криминалистов. Все самое лучшее.

– Нет, офис в прокуратуре мне не нужен, я должен оставаться полностью независимым. И никаких больше совместных обедов. Сделаем заявление для прессы, а дальше я действую сам, в том числе и решаю, как вести следствие.

– Принято. Можете работать в своей конторе, только не храните там улики. Все решения, конечно же, будете принимать самостоятельно.

– Кроме того, я сам выберу второго обвинителя, а также дознавателя из полицейского управления Лос-Анджелеса – людей, которым могу доверять.

– Второй обвинитель тоже будет со стороны?

– Нет, лучше кто-нибудь из прокуратуры.

– Тогда, я полагаю, речь идет о вашей бывшей жене.

– Совершенно верно – если она согласится. А если нам все-таки удастся выиграть дело, вы вытащите ее из Ван-Найса и переведете в главный офис заниматься крупными делами, что она давно заслужила.

– Ну, это легче сказать, чем...

– Таковы мои условия. Решайте.

Уильямс взглянул на Риделла, тот еле заметно кивнул. Окружной прокурор повернулся ко мне:

– Хорошо, так и быть. В случае успеха она работает у меня. По рукам?

Он с улыбкой протянул руку, я ее пожал. Без улыбки.

– Микки Холлер, от имени народа, – произнес он. – Хорошо звучит!

От имени народа. Наверное, мне следовало гордиться, ощущать себя частью чего-то огромного и справедливого. Но я чувствовал лишь, что перешагнул какую-то запретную черту. На душе скребли кошки.

– Замечательно, – ответил я.

Глава 2

Пятница, 12 февраля, 10:00

Гарри Босх вошел в приемную окружной прокуратуры на восемнадцатом этаже здания уголовного суда. Он назвал секретарю и объяснил, что ему назначил встречу прокурор округа Гэбриел Уильямс.

– Совещание состоится в конференц-зале А, – сообщила секретарь, сверившись с компьютером. – Пройдите в эту дверь, потом направо до конца коридора. Там снова направо, и увидите по левой стороне дверь с литерой А. Вас ждут.

Дверь в стене, отделанной деревянными панелями, зажужжала, и Босх открыл ее, гадая, кто именно его ждет. Он получил вызов вчера днем и с тех пор безуспешно пытался понять причину. Секретность, конечно, в правилах прокуратуры, но обычно хоть что-то, да просачивалось наружу – только не в этот раз.

Следуя указанному маршруту, Босх нашел дверь с литерой А и постучал. Женский голос ответил:

– Войдите.

Женщина сидела одна за большим столом с восемью креслами. Перед ней рядом с портативным компьютером были разложены папки, документы и фотографии. Лицо женщины, привлекательное, обрамленное темными выющимися волосами, казалось смутно знакомым. Острый взгляд и приятная улыбка, немного загадочная. Судя по стандартному костюму темно-синего цвета, это мог быть помощник окружного прокурора.

– Детектив Босх?

– Да.

– Проходите, присаживайтесь.

Он отодвинул кресло и сел напротив. Одна из фотографий привлекла его внимание – мертвое детское тело в открытом мусорном контейнере. Босая, в синем платье с длинными рукавами девочка лежала на гряде строительного мусора. Белая кромка фотографии пожелтела – снимок был старый.

Женщина прикрыла фото папкой и протянула через стол руку.

– Думаю, мы прежде не встречались, – сказала она. – Меня зовут Мэгги Макферсон.

Имя было знакомо, но откуда и в связи с каким делом, Гарри не помнил.

– Я помощник окружного прокурора, – продолжила Макферсон, – и буду вторым обвинителем на процессе по делу Джейсона Джессапа. Первый обвинитель...

– Джессапа? – перебил Босх. – Вы собираетесь его судить?

– Да. Об этом объявят на следующей неделе, а пока я прошу вас информацию не разглашать. К сожалению, первый обвинитель опаздывает...

За спиной открылась дверь, и Босх обернулся. В зал вошел Микки Холлер. Гарри не верил своим глазам – не потому, что плохо знал Холлера в лицо, они были единокровными братьями, – просто видеть его здесь было в высшей степени странно. Защитник по уголовным делам смотрелся в окружной прокуратуре как кот на собачьей площадке.

– Я знаю, – усмехнулся Холлер, – ты думаешь: «Какого черта он тут делает?»

Продолжая улыбаться, Холлер отодвинул кресло и сел рядом с Мэгги Макферсон. Только теперь Босх понял, откуда знает ее имя.

– Вы... вы ведь были женаты, верно?

– О да! – воскликнул Холлер. – Семь чудесных лет.

– Хм... Теперь она обвиняет Джессапа, а ты его защищаешь... Смахивает на конфликт интересов, а?

– Нет, Гарри, никакого конфликта: мы оба его обвиняем. Я первый обвинитель, Мэгги – второй. И мы хотим, чтобы ты вел у нас следствие.

Босх выглядел растерянным.

– Погоди... Ты же не прокурор. Это как-то...

– Меня пригласили независимым обвинителем, Гарри, все законно. Я бы не сидел здесь, будь оно иначе. Мы хотим припереть Джессапа к стенке и просим тебя помочь.

– Судя по тому, что я слышал, дело тухлое. Или вы хотите сказать, что Джессап подделал анализ ДНК?

– Нет, ничего подобного, – сказала Макферсон. – Мы провели свои собственные тесты, все правильно. На платье жертвы нет ДНК Джессапа.

– Но это еще не значит, что дело проиграно, – вставил Холлер.

Босх перевел взгляд с него на прокуроршу, потом обратно. Он все еще не понимал.

– Тогда чья была ДНК?

Прежде чем ответить, Макферсон переглянулась с Холлером.

– Отчима девочки. Его уже нет в живых, но мы полагаем, что сумеем объяснить, как сперма могла оказаться на платье.

Холлер подался вперед:

– Причем это объяснение не помешает повторно осудить Джессапа за убийство.

Босх молчал. Он думал о собственной дочери. Существуют виды зла, которые следует искоренять любой ценой, и убийцы детей возглавляют этот список.

– Я с вами, – сказал он.

Глава 3

Вторник, 16 февраля, 13:00

Зал для пресс-конференций в окружной прокуратуре не видел ремонта с тех пор, как в нем проводились брифинги по делу Чарльза Мэнсона. Выцветшие деревянные панели и обвисшие флаги в углу служили фоном для тысяч встреч с репортерами и придавали происходящему жалкий вид, не вязавшийся с истинным могуществом учреждения. Хотя государственного обвинителя никак не назовешь пасынком фортуны, у конторы, похоже, не хватало денег даже на краску для стен.

Тем не менее для сегодняшнего заявления обстановка очень подходила. Наверное, в первый раз за всю славную историю Дворца правосудия государственному обвинению грозило столь позорное фиаско. Повторно судить Джейсона Джессапа было малоперспективно и в высшей степени рискованно. Только сейчас, стоя рядом с Гэбриелом Уильямсом в ослепительном свете ламп под любопытными взглядами репортеров перед батареей видеокамер, я осознал, какую страшную ошибку совершил. Решение принять дело в надежде подняться в глазах дочери, бывшей жены и своих собственных влекло за собой катастрофические последствия. Я стоял на краю пропасти.

Так или иначе, момент был редкий, на это стоило посмотреть. Пресса готовилась запечатлеть эффектное завершение долгой истории в полной уверенности, что прокуратура округа не решится на новый процесс. Никаких извинений, естественно, не ожидалось, максимум признание отсутствия достаточных улик. Тем не менее человек, прошедший в тюрьме полжизни, оказался чист перед законом, дело будет закрыто, и Джейсон Джессап выйдет на свободу – невинная жертва судебной ошибки.

Обвести вокруг пальца сразу все медиасообщество удастся не часто, и в таких случаях резонанс бывает очень громкий, но сейчас это Уильямсу, несомненно, удалось. До самого последнего момента мы вели себя крайне осторожно, собираясь тайком и обсуждая доказательную базу. Сквозь стены уголовного суда не просочилось ни словечка, что совсем не просто. Лишь при виде меня брови некоторых репортеров поползли вверх, но тут Уильямс, не теряя времени, подошел к трибуне, облепленной гирляндами микрофонов, и нанес нокаутирующий удар.

– Двадцать четыре года назад, – начал он, – воскресным утром двенадцатилетняя Мелисса Лэнди была насильно увезена со двора своего дома в Хэнкок-Парке и зверски убита. Следствие быстро вышло на подозреваемого по имени Джейсон Джессап. Его арестовали, обвинили и приговорили судом к пожизненному заключению в тюрьме без права на досрочное освобождение. Две недели назад Верховный суд штата отменил приговор и вернул дело в окружную прокуратуру. В связи с этим я хочу объявить, что прокуратура округа Лос-Анджелес снова рассмотрит дело Джейсона Джессапа по обвинению его в похищении и убийстве Мелиссы Лэнди. Суд вынесет справедливое решение по всей строгости закона.

Он помолчал, подчеркивая важность заявления, затем продолжил:

– Как вам известно, Верховный суд отметил ряд нарушений в ходе первого судебного процесса, который, напомним, состоялся более чем за двадцать лет до вступления в должность нынешней администрации. Поэтому, чтобы избежать политических разногласий и подозрений в адрес прокуратуры, я решил назначить особого независимого обвинителя. Майкл Холлер, стоящий справа от меня, хорошо известен многим из вас как уважаемый член коллегии адвокатов, выступающий защитником в уголовном суде Лос-Анджелеса в течение более двадцати лет. Он принял назначение и с этого момента несет всю ответственность за ведение дела. А теперь, хотя не в наших правилах переносить судебный процесс в средства массовой информации, мы с мистером Холлером готовы ответить на ваши вопросы, если они не будут касаться подробностей следствия.

Зал взорвался гулом голосов, старавшихся перекричать друг друга. Уильямс поднял руки, призывая к спокойствию.

– По одному, господа! Начнем с вас.

Он указал на женщину в первом ряду. Я не мог припомнить имя, но был уверен, что она из «Лос-Анджелес таймс» – окружной прокурор правильно расставлял приоритеты.

– Кейт Солтерс, «Таймс», – подтвердила она мою догадку. – Скажите, как вы решились повторно судить Джейсона Джессапа после того, как генетический анализ доказал его невиновность?

Перед тем как войти в зал, Уильямс предупредил меня, что будет говорить сам и отвечать на вопросы тоже, за исключением тех, что будут обращены непосредственно ко мне. Он дал понять, что это его личный спектакль, но у меня было другое мнение.

Я быстро нагнулся к микрофону:

– Позвольте, я отвечу. Экспертиза ДНК, проведенная в рамках «Проекта генетической справедливости», всего лишь показала, что органическая жидкость, обнаруженная на одежде жертвы, не принадлежала Джейсону Джессапу. Данный факт еще не доказывает его непричастность к убийству, это лишь дополнительная информация, которую в числе прочего рассмотрит суд.

Выпрямившись, я поймал гневный взгляд окружного прокурора.

– Чья же ДНК? – спросил кто-то.

Уильямс среагировал мгновенно:

– Мы не отвечаем на вопросы, касающиеся доказательств по делу!

– Микки, почему ты согласился участвовать?

Говоривший стоял по ту сторону ламп, в тени, лица его не было видно. Я снова шагнул к микрофону, отодвигая Уильямса:

– Хороший вопрос. Для меня, разумеется, непривычно находиться, так сказать, на другой стороне, но дело это особенное. Я профессиональный юрист и горжусь своей принадлежностью к коллегии адвокатов. Мы все приносили клятву отстаивать справедливость, защищать конституцию и законы страны и штата. Долг каждого служителя закона – всегда выступать на стороне правого дела, невзирая на личные интересы. Перед нами именно такое дело. Кто-то должен выступить на стороне Мелиссы Лэнди. Я изучил материалы дела и убежден, что выбрал правильную сторону. Критерием здесь служат несомненные доказательства вины подсудимого, и я считаю, что такие доказательства имеются.

Уильямс взял меня за плечо, мягко отстраняя от микрофона.

– Это все, что мы можем сказать по поводу доказательств, – поспешил он добавить.

Солтерс подняла руку:

– Джессап провел в тюрьме двадцать четыре года; если вы докажете нечто меньшее чем умышленное убийство без смягчающих обстоятельств, он сразу выйдет на свободу. Стоит ли это дело таких затрат и усилий, мистер Уильямс?

Уже по первым словам я понял, что они работают в паре. Солтерс набрасывала мячи, а прокурор готовился их мастерски отбивать, зарабатывая очки в одиннадцатичасовых новостях и утренних газетах. Взамен она получала сведения из первых рук о тактике обвинения и доказательной базе.

«Хватит. Это мое дело, мой процесс, моя игра!»

– Не важно! – громко сказал я.

Все повернулись ко мне, даже прокурор, стоявший у трибуны.

Все тот же голос из темноты подбодрил:

– Говори в микрофон, Микки!

Кто бы это мог быть? Я снова рванулся вперед, словно форвард в атаке:

– Убийство ребенка относится к преступлениям, к которым закон подходит со всей суровостью, независимо от вероятностей и рисков. Не имеет значения, что победа не гарантирована. Важна лишь убедительность доказательств, а она для меня несомненна. Этот человек совершил страшное преступление, и не важно, сколько лет прошло с тех пор и сколько он уже отсидел. Его следует судить.

Моя собственная дочь, – продолжил я, – лишь немного старше, чем была Мелисса Лэнди... Как вам известно, в ходе первого процесса по делу Джессапа государственный обвинитель требовал для подсудимого смертного приговора, но присяжные высказались против, и суд ограничился пожизненным сроком. Прошло время, однако наша позиция не изменилась – сторона обвинения снова будет добиваться высшей меры наказания...

Я снова почувствовал на плече тяжелую руку прокурора.

– Не будем опережать события, – быстро заговорил Уильямс. – Решение требовать смертного приговора еще не принято. Это мы обсудим позже, но, так или иначе, мистер Холлер высказал правильную мысль. В нашем обществе нет злодеяния более тяжкого, чем покушение на жизнь ребенка, и мы обязаны сделать все, что в наших силах, чтобы виновный не ушел от наказания... На сегодня все, спасибо за внимание.

– Погодите! – раздался голос в толпе репортеров. – А что будет с Джессапом – его привезут сюда?

Уильямс непринужденно оперся на край трибуны обеими руками, ограждая от меня микрофон.

– Сегодня утром мистер Джессап был взят под стражу полицией Лос-Анджелеса и в настоящее время переводится из тюрьмы Сан-Квентин в городскую тюрьму для проведения следственных действий. Его приговор отменен, но все обвинения остаются в силе... Больше нам нечего добавить.

Отойдя от трибуны, он кивнул мне на дверь и поплелся следом, шепча в ухо:

– Еще раз такое себе позволите, и я вас уволю!

Я обернулся на ходу:

– Что именно позволю? Не дам вам ответить по шпаргалке?

В холле ждал Риделл с секретарем прокуратуры Фернандесом, но Уильямс повел меня в сторону, продолжая пыхтеть:

– Вы нарушили протокол! Еще одна подобная выходка, и мы расстанемся, имейте в виду!

Я резко развернулся, так что мы чуть не столкнулись.

– А вы имейте в виду, что я не марионетка, а независимый обвинитель, работающий по контракту. Иначе расхлебывайте эту кашу сами!

Глаза окружного прокурора яростно сверкнули.

– Что это за чушь насчет высшей меры? О ней даже речи пока не было, и никто не давал вам санкции на такие заявления.

Уильямс был выше и шире в плечах и напирал на меня своим массивным корпусом, прижимая к стенке.

– Мои слова дойдут до Джессапа и заставят его задуматься, – объяснил я. – Если нам повезет, он согласится на досудебное соглашение, и все закончится, не будет и гражданского иска. Город и округ ничего не будут должны, вы сэкономите миллионы – в них-то все и дело, верно?

– Ничего подобного! – напыжился Уильямс. – Не в деньгах дело, а в правосудии! Так или иначе, вам следовало согласовать это со мной. Я ваш начальник, в конце концов!

Не на того напал. Я вежливо, но решительно отстранил его:

– У меня нет начальства, я сам по себе.

– Вот как? Захочу, вылетите отсюда сию же минуту!

Я с усмешкой кивнул на дверь в зал:

– Отлично, давайте увольте обвинителя, которого только что наняли – точь-в-точь как Никсон во время уотергейтской заварушки. Ему это здорово помогло... Пойдемте, скажем им, что же вы? Там еще не все ушли.

Прокурор насутился, глядя в сторону. Вот как прижимают к стенке по-настоящему, без лишних движений. Избавиться от меня сейчас означало предстать в глазах публики полным идиотом, потеряв все шансы на выборах.

Он придвинулся и угрожающе прошипел, понизив голос:

– Не суйтесь в мои дела, Холлер!

– А вы не суйтесь в мое дело. Это не предвыборная кампания и не бизнес. Речь идет об убийстве, босс. Если хотите, чтобы я справился, не связывайте мне руки!

Я бросил ему кость, назвав боссом. Сжав рот в тонкую линию, он долго сверлил меня взглядом, потом произнес:

– Значит, мы поняли друг друга?

– Думаю, поняли.

– Прежде чем сказать газетчикам хоть слово, согласовывайте со мной, ясно?

– Да.

Он повернулся и пошел через холл во главе своей свиты. Я смотрел вслед. По правде говоря, ничто так не отталкивает меня в законах, как смертная казнь, и не потому, что моим клиентам она когда-либо угрожала. Просто я считаю, что в просвещенном обществе люди не должны убивать себе подобных – хотя это не мешает мне пользоваться угрозой высшей меры в интересах дела. Что ж, возможно, из меня получится не такой уж плохой обвинитель.

Глава 4

Вторник, 16 февраля, 14:43

Самый приятный момент в уголовном деле – когда едешь в город с закованным в наручники подозреваемым на заднем сиденье. Лучше не бывает. Конечно, есть еще суд, последнее подведение счетов, – когда сидишь в зале, слушаешь приговор и видишь, как глаза осужденного потрясенно вспыхивают, а затем мертвоют. Тоже неплохо, но не сравнится с доставкой в тюрьму, здесь важен непосредственный личный контакт. Гарри Босх всегда смаковал этот момент: погоня за преступником закончена, неумолимый натиск следствия сменяется мерным вращением колес судебной машины.

Сегодня все было иначе. За два долгих дня Босх так и не испытал ничего похожего на привычное наслаждение. Вчера они с напарником Дэвидом Чу доехали до Корте-Мадеры и заночевали в мотеле на Сто первом шоссе, а утром явились в Сан-Квентин, предъявили судебное постановление и повезли Джейсона Джессапа назад в Лос-Анджелес. Итого семь часов туда, бок о бок с напарником, который трещит без умолку, и столько же обратно с подозреваемым, из которого слова не вытянешь.

До городской тюрьмы оставался час езды. От многочасового сидения за рулем ныла спина, правая нога, нажимавшая на педаль газа, уже онемела. Круиз-контроль для служебных машин не полагался. Чу предлагал поменяться, но Босх лишь покачал головой. Напарник соблюдал ограничение скорости с благоговейной педантичностью даже на автострадах, лишний час томиться в машине не хотелось.

Всю дорогу Босх угрюмо молчал, размышляя о деле, которое шло задом наперед. За эти несколько дней он не успел даже прочитать все материалы, а подозреваемый – вот он, в наручниках и на заднем сиденье. Где это видано: сначала арест и только потом расследование!

Он взглянул на часы – пресс-конференция уже должна закончиться. Рабочая встреча с Холлером и Макферсон была назначена на четыре, не успеть – на Джессапа еще надо оформить кучу документов, а потом заехать в полицейский архив и забрать две коробки с материалами следствия и вещдоками.

– Гарри, что с тобой?

Босх повернул голову:

– Ничего.

При подозреваемом говорить не хотелось, и вообще, они ездят вместе меньше года, не дорос еще Чу угадывать настроение старшего – хотя на этот раз напарник понял правильно.

С заднего сиденья слышался голос Джессапа – в первый раз после Стоктона, когда он попросился в туалет:

– А то с ним, что дело тухлое! Знает, что доказательства выеденного яйца не стоят, и не хочет участвовать в комедии.

Гарри посмотрел в зеркало на заднее сиденье. Подозреваемый сидел пригнувшись: наручники соединялись цепью с ножными кандалами. Голова выбрита наголо – обычная тюремная практика, к которой прибегают одни люди, надеясь запугать и унижить других. Похоже, что в случае Джессапа это сработало.

– Ты же вроде не хотел говорить, Джессап. Или решил дать показания?

– Все, затыкаюсь и жду адвоката.

– Он в Сан-Франциско, стоит ли тянуть?

– У него дела, связывается с кем-то, у «Генетической справедливости» люди по всей стране. Мы были готовы к такому повороту.

– Готовы? – усмехнулся Гарри. – Значит, ты потому заранее собрал вещички, что готовился к переезду? А может, надеялся вернуться домой?

Джессап не нашелся что ответить.

Босх свернул на Сто первое шоссе, ведущее через перевал Кауэнга к Голливуду.

– Как ты вообще вышел на генетический проект, – снова заговорил он, надеясь хоть что-нибудь выудить, – или это они тебя нашли?

– Нас свел Интернет, парень. Я подал апелляцию, они поняли, что дело шито белыми нитками, и стали копать. И вот я здесь. Вы, ребята, совсем больные на голову, если рассчитываете что-то поиметь. Один раз закатали меня, ублюдки, больше не выйдет. Два месяца, и все кончено. Полжизни отсидел – что такое еще два месяца? Только лишние бабки на мемуарах зашибу – благодаря вам и окружному прокурору.

Босх снова бросил взгляд в зеркало. В другой раз он бы радовался, что подозреваемый разговорился. Как правило, болтовня приводила прямо за решетку. Но Джессап был хитер и осторожен, тщательно выбирал слова и избегал говорить о подробностях дела. Пока он не допустил ни единой оплошности. Лицо каменное, неподвижный взгляд устремлен в окно. Из-под воротника виднеется уголок тюремной татуировки – какие-то буквы.

– Добро пожаловать в Лос-Анджелес, Джессап! – произнес Чу, не оборачиваясь. – Сколько лет не виделись...

– Чтоб ты сдох, ублюдок узкоглазый! – прорычал Джессап. – Ничего, скоро на свободу. Первым делом рвану на пляж, возьму доску подлиннее да поймаю волну повыше!

– Даже не думай, убийца, – парировал Чу, – не улизнешь. Мы крепко взяли тебя за задницу...

Молодой полицейский пытался вывести преступника из себя, заставить проговориться, но противник был ему явно не по зубам. Даже после шести часов молчания эта игра действовала на нервы. Босх покрутил колесико настройки радио и, найдя репортаж о пресс-конференции, прибавил звук, чтобы дать послушать Джессапу и на время отвлечь Чу.

– Уильямс и Холлер, – раздался бодрый голос комментатора, – отказались обсуждать подробности дела, однако дали понять, что куда менее впечатлены результатами экспертизы ДНК, чем Верховный суд штата. Холлер признал, что органические следы на платье жертвы не принадлежат Джессапу, но не считает этот факт достаточным для снятия обвинений. Майкл Холлер хорошо известен как адвокат защиты и в качестве обвинителя по делу об убийстве выступит впервые, но, судя по всему, никаких колебаний не испытывает. «Обвинение снова будет добиваться высшей меры наказания», – заявил он...

Босх сделал тише и взглянул в зеркало.

– Что скажешь? Они хотят твоей крови.

Джессап устало поднял голову:

– Хрена лысого они получают. И вообще, в этом штате больше не казнят. Знаешь, что такое камера смертника? Сидишь один, сам себе хозяин, телевизор весь твой... Больше разрешенных звонков, посещения чаще, да и кормят получше. Черт побери, да пускай добивается чего хочет, какая разница? Все равно это чушь собачья, они только о деньгах и пекутся.

Фраза повисла в воздухе, Босх не сразу понял.

– Что за деньги? – спросил он наконец.

– Мне хотят предложить сделку, досудебное соглашение, так сказал адвокат. Хотят, чтобы я признал вину, попросил зачесть срок и освободить, и тогда платить им будет не за что. Купля-продажа, и больше ничего, а вы им доставляете товар, как сраный «Федэкс»!

Босх подавленно молчал. Неужели правда? Джессап подал в суд на город и округ, требуя миллионы. Что, если повторный процесс и в самом деле всего только маневр, призванный сберечь эти деньги? Когда ответчиками выступали корпорации и муниципалитеты, присяжные никогда не церемонились, назначая возмещение убытков. За столько лет заключения без вины сумма будет выше всякого разумения. Вердикт в виде восьмизначной цифры опустошит казну и города, и округа. Но если Джессапа хорошенько прижать и заставить признать себя виновным в обмен на свободу, гражданские иски потеряют смысл, не будет и гонораров за книгу и экранизацию, на которые он сейчас рассчитывает.

– Ну что, прав я? – ухмыльнулся Джессап.

Под пристальным взглядом из зеркала было неуютно. Босх стал смотреть на дорогу. В кармане куртки завибрировал телефон.

– Я отвечаю, Гарри? – предложил Чу.

Проигнорировав намек, что за рулем говорить не положено, Босх вытащил телефон и принял вызов. Звонил лейтенант Гендл.

– Гарри, ты где?

– Съезжаю со Сто первого.

– Отлично. Я просто хотел предупредить: вас там ждут у входа, не забудь причесаться.

– Ага, понял. Пожалуй, пошлю напарника. – Он покосился на Чу, но объяснять не стал.

– Как хочешь, – сказал Гендл. – А дальше что?

– Он отказался давать показания, так что сдадим, и все. Затем поеду в штаб к обвинителям. У меня к ним вопросы.

– Гарри, у них хоть есть чем его прижать?

Босх взглянул в зеркало. Джессап снова смотрел в окно.

– Не знаю, лейтенант. Буду знать, расскажу.

Несколько минут спустя они заехали на стоянку позади тюрьмы. Перед дверями приемной канцелярии выстроились цепочкой операторы с телекамерами.

Чу выпрямился, осматриваясь по сторонам.

– Показ моделей, Гарри, пора на подиум!

Босх поморщился:

– Где ты этого набрался, в телике?

– Ну да, они только так и говорят.

– Мы не говорим. Давай води его.

– Может, вместе?

– Нет, я здесь подожду.

– Ты уверен?

– Да. Не забудь про наручники.

– Хорошо, Гарри.

Стоянка была заполнена фургонами телевизионщиков с поднятыми антеннами, но площадка перед входом оставалась свободной. Босх припарковался и заглушил двигатель.

– Ну что, убийца, готов? – спросил Чу. – Билеты проданы, зрители ждут.

Джессап промолчал. Чу вышел сам, затем открыл дверь для него. Босх откинулся на спинку сиденья, наблюдая за спектаклем.

Глава 5

Вторник, 16 февраля, 16:14

Быть женатым на Мэгги Макферсон, хотя бы и в прошлом, имело одно преимущество: из-за очевидного конфликта интересов я никогда не выступал против нее, не раз избежав таким образом неминуемого разгрома и профессионального унижения. Лучшего обвинителя на судебном процессе мне видеть не приходилось – прозвище Свирепая Мэгги моя бывшая получила не случайно.

Теперь нам впервые предстояло выступать в одной команде, сидя за одним столом, но этот расклад, выглядевший вначале столь удачным и плодотворным, в том числе и для карьеры Мэгги, оказался далеко не безоблачным. Положение второго обвинителя ее не слишком устраивало, что нетрудно понять. Профессиональному обвинителю, засадившему за решетку десятки воров, убийц, насильников и наркодельцов, было не по себе в роли подручного у новичка. Конечно, я тоже участвовал в десятках процессов, но только как адвокат защиты.

Мы сидели в конференц-зале А за длинным столом перед кучей папок с документами. Хотя я и договорился с Уильямсом, что буду работать в собственном офисе, пока это не получалось. У меня нет офиса, если не считать таковым мою квартиру. Раньше я работал на заднем сиденье «линкольна», но для процесса «Народ против Джейсона Джессапа» требовалось что-то посolidнее. Мой менеджер уже подыскивал временную контору в центре города, а пока мы сидели в конференц-зале окружной прокуратуры, разглядывая бумаги и переругиваясь.

– Мэгги, – сказал я, – будь речь только о том, чтобы посадить злодея за решетку, я охотно ушел бы в тень, но здесь примешивается политика. По политическим соображениям меня и назначили первым, и тут ничего не поделаешь, нравится это нам или нет. Я согласился и попросил включить в группу тебя. Если ты считаешь, что мы не...

– Мне просто не улыбается перспектива всю дорогу носить за тобой портфель, – перебила она.

– Глупости. Пресс-конференции и прочая показуха – это одно, а реальное расследование – совсем другое. Работать будем в паре, на равных, а может, тебе и больше достанется. То

же самое на процессе – вместе наметим стратегию, обговорим шаги. Ты уж мне доверяй хоть немного, я в судебных процедурах собаку съел, пусть даже сидел за другим столом.

– Вот тут ты ошибаешься, Микки. На стороне защиты ты отвечаешь только за одного человека, своего клиента, а обвинитель представляет народ, сравни степень ответственности! «Бремя доказывания» – не пустые слова.

– Так или иначе, если ты возражаешь против моего участия, ступай в кабинет к боссу и скажи ему, только помни: если он меня выгонит, то и тебя следом – вернешься в Ван-Найс и будешь прозябать там до пенсии. Ты этого хочешь?

Ответом было молчание – очень ясным ответом.

– Значит, договорились, – кивнул я, – постараемся довести дело до конца, не вцепившись друг другу в глотку. Ты же понимаешь, что я здесь не ради карьеры, для меня это разовый эпизод, так что цель у нас одна.

Мой телефон, лежащий на столе, завибрировал. Номер на экране был незнакомый, но я принял вызов, чтобы отвлечься от спора.

– Холлер слушает.

– Ну как у меня вышло, Микки?

– Кто это?

– Стикс.

Видеооператор-фрилансер, он поставлял местным новостным каналам проходные сюжеты, время от времени отмечаясь и в сенсациях. Мы были знакомы так давно, что настоящее его имя стерлось из памяти.

– Что у тебя вышло? Извини, я занят.

– Помнишь пресс-конференцию? Помог тебе слегка.

– А, так это ты! Спасибо, спасибо.

– Ну и ты меня не забывай, ладно? Намекни, если какие новости... эксклюзив, так сказать.

– Само собой, Стикс, не переживай, все будет. А сейчас извини, пока.

Я положил трубку обратно на стол. Мэгги что-то печатала на своем ноутбуке, недовольство ее вроде бы рассеялось.

– Это один тип из новостей, – объяснил я, – может пригодиться.

Она нахмурилась:

– Мы не должны ничего делать тайком. Этические стандарты обвинения совсем другие, чем у защиты.

Я покачал головой:

– Ерунда! И потом, я вовсе не собираюсь делать что-то не...

Дверь распахнулась, и в зал боком ввалился Гарри Босх с двумя картонными коробками из архива.

– Прошу прощения, опоздал, – буркнул он, ставя их на стол.

Ту, что побольше, я узнал: в ней хранились вещественные доказательства с первого процесса. В меньшей, очевидно, были материалы полицейского расследования.

– Три дня искали, – пожаловался Босх. – Оказалось, засунули в ряд за восемьдесят пятый год вместо восемьдесят шестого.

Он взглянул на Мэгги, потом на меня.

– Я много пропустил? Война в штабе?

– Мы обсуждали тактические вопросы и не сошлись во мнениях.

– Вот как?

Босх уселся напротив нас, открыл коробку поменьше, вытащил три папки-гармошки, разложил на столе и переставил коробку на пол. Потом заговорил:

– Знаешь, Микки, если уж говорить о проблемах... По-моему, прежде чем втягивать меня в эту «мыльную оперу», тебе следовало сказать кое о чем прямо.

– О чем, Гарри?

– О том, что вся эта заварушка не из-за убийства, а из-за денег.

– Почему? Какие деньги?

Он молча смотрел на меня.

– Ты про иски Джессапа?

Босх кивнул:

– Да, про них. По пути у нас состоялся весьма интересный разговор. Выходит, если мы его вынудим пойти на сделку, никаких денег он не получит, потому что признавшийся в убийстве уже не может утверждать, что был невинно осужден. Так чем мы на самом деле тут занимаемся: хотим засадить убийцу или сберечь для города и округа миллион-другой баксов?

Мэгги медленно выпрямилась.

– Что за шутки? – гневно произнесла она. – Если нас...

– Погодите, погодите, – перебил я. – Обсудим все спокойно. Я не думаю, что все так плохо. Мне самому приходило это в голову, но Уильямс ни на что подобное даже не намекал. Он сказал, что Джессапа надо осудить, и уверен, что суд состоится – по тем самым причинам, что вы упомянули. Джессап не пойдет ни на какую сделку, потому что тогда не будет ни выплат от города, ни мемуаров, ни фильмов. Единственный выход для него – выиграть процесс.

Мэгги задумчиво наклонила голову, словно признавая силу доводов, но Босх все не мог успокоиться.

– Откуда тебе знать, что думает Уильямс? – Он поморщился. – Ты человек со стороны. Они тебя накрутили и поставили, а сами потихоньку обделяют свои делишки...

– Он прав, – кивнула Мэгги. – Пока у Джессапа даже нет адвоката. Как только появится, начнутся переговоры.

Я поднял руки, призывая к спокойствию.

– Помните, сегодня я сказал прессе насчет смертного приговора? Мне хотелось прошу-пать Уильямса. Он не ожидал и потом в коридоре стал выяснять отношения. Я объяснил, что это тактический ход, чтобы заставить Джессапа подумать о сделке, а сам смотрел на него. Если бы он это планировал, я бы заметил по его лицу – слава богу, опыт у меня имеется.

Босх все еще сомневался. Я продолжал:

– Помнишь тех двоих из Гонконга, в прошлом году, в самолете? Тогда я не ошибся.

Его взгляд немного смягчился. Гарри был в долгу передо мной за китайскую историю. Я набирал очки.

– Хорошо, – сказал он. – Что будем делать?

– Пока считаем, что Джессап намерен драться. Как только он наймет адвоката, узнаем наверняка, но готовиться начнем уже сейчас. Если бы его защищал я, то не стал бы стараться отложить разбирательство, чтобы не давать обвинению лишнего времени для работы со свидетелями. – Я проверил дату на часах. – Тогда у нас в запасе сорок восемь дней, а работы выше крыши.

Мы молча переглянулись, и я продолжил:

– Всю прошлую неделю Мэгги изучала обвинительное дело. Гарри, в твоих коробках почти то же самое, так что предлагаю: пускай она расскажет о ходе слушаний в восемьдесят шестом, и тогда уже решим, чем заняться в первую очередь.

Босх кивнул, и я сделал Мэгги знак. Она придвинула к себе ноутбук.

– Итак, по процедуре... Поскольку решался вопрос о высшей мере, больше всего времени занял отбор присяжных – почти три недели. Само разбирательство продолжалось семь дней, затем три дня присяжные решали вопрос о виновности и еще две недели – о применимости смертной казни. На мой взгляд, семь дней на предъявление доказательств и прения сторон

– это слишком мало для столь серьезного дела. Отыграно как по нотам, а защита... защиты практически не было.

Она взглянула на меня, будто я мог отвечать за нерадивость, допущенную в восемьдесят шестом.

– Кто защищал Джессапа? – спросил я.

– Чарльз Барнард. На повторном процессе его не будет – по данным коллегии адвокатов Калифорнии, он скончался в девяносто четвертом. Обвинителя Гэри Линца тоже давно нет в живых.

– Не слышал о таких. А кто был судьей?

– Уолтер Сэквилл – давно на пенсии, но я его помню. Судья из лучших.

– Да, мне приходилось с ним сталкиваться, – подтвердил Босх, – ни одной из сторон спуску не давал.

– Так, дальше, – кивнул я.

– Теперь о версии обвинения. Семья Лэнди – то есть потерпевшая Мелисса Лэнди двенадцати лет, ее сестра Сара, на год старше, их мать Реджина и отчим Кенсингтон – проживала на бульваре Виндзор в районе Хэнкок-Парк. Дом находился в одном квартале к северу от бульвара Уилшир, недалеко от объединенной церкви Троицы, куда на воскресную службу собиралось в те времена до шести тысяч прихожан. Машины оставляли по всему Хэнкок-Парку, но потом местные жители пожаловались в мэрию, после чего стоянка в окрестностях, включая Виндзор, была разрешена только для своих. Частные службы эвакуации, работавшие по контракту с муниципалитетом, рыскали по округе по воскресеньям, как стая акул, высматривая машины без специальной наклейки на ветровом стекле. Вот здесь в деле и появляется подозреваемый Джейсон Джессап.

– Он был водителем тягача, – догадался я.

– Совершенно верно, и работал на компанию «Аардварк-эвакуация». Отличное название, всегда в первой строке телефонной книги – тогда еще пользовались телефонными книгами.

Судя по смущению Босха, он был среди тех, кто до сих пор предпочитал телефонные книги Интернету, но Мэгги ничего не заметила и продолжала:

– В то утро Джессап как раз патрулировал Хэнкок-Парк, а у Лэнди шло строительство бассейна. Кенсингтон Лэнди писал музыку для кино и весьма преуспевал. Позади дома все было разрыто, высились кучи земли, поэтому девочкам не разрешали там играть, тем более в воскресной одежде. Они ждали родителей на переднем дворе, чтобы ехать в церковь. Старшая, Сара, присматривала за Мелиссой.

– Они ходили в ту церковь на Уилшире?

– Нет, в храм Святого Сердца в Беверли-Хиллз. Так или иначе, девочки оставались одни всего четверть часа. Мать одевалась наверху, а отчим смотрел телевизор, какой-то спортивно-развлекательный канал. О девочках он забыл.

Босх с досадой тряхнул головой, и я его понимал. Родителей в таких случаях трудно осуждать, но как же дорого порой обходятся самые мелкие ошибки!

– Потом со двора раздался крик, – продолжила Мэгги. – Отчим выскочил наружу, и Сара сказала ему, что какой-то мужчина забрал Мелиссу. На улице уже никого не было, девочка пропала.

Мэгги помолчала, борясь с волнением. У каждого из нас была дочь, и мы легко могли себе представить, что чувствовала семья Лэнди в тот ужасный момент.

– Полиция отреагировала быстро – Хэнкок-Парк все-таки респектабельный район. Первые сводки были разосланы уже через несколько минут, и на место преступления выехали сыщики.

– Значит, все случилось среди бела дня? – подал голос Босх.

Мэгги кивнула:

– Примерно в десять сорок. Семья Лэнди собиралась в церковь к одиннадцати.

– И соседи ничего не заметили?

– Не забывайте, что это Хэнкок-Парк – высокие заборы, стены, неприкосновенность частной жизни. Люди там надежно отгорожены от внешнего мира. Нет, никто ничего не видел и не слышал, пока Сара не закричала, а тогда уже было поздно.

– Двор Лэнди тоже отгорожен стеной или забором?

– Двухметровая ограда с севера и юга, но с улицы ничего нет. Предполагают, что Джессап, проезжая мимо на своем эвакуаторе, заметил девочку одну во дворе и действовал импульсивно.

Мы молчали, размышляя о неожиданности ударов судьбы. Тягач проезжает мимо дома, водитель замечает девочку, одинокую и незащищенную, хватает ее и скрывается – все за несколько секунд.

– Понятно, – сказал Босх. – Как же его нашли?

– Старших детективов было двое: Дорел Клостер и его напарник Чед Стайнер. Я проверила, Стайнера нет в живых, а Клостер на пенсии, с болезнью Альцгеймера в последней стадии. Он нам не поможет.

– Черт, не повезло. – Босх покачал головой.

– Приехали они почти сразу и времени не теряли. Опросили Сару; девочка сказала, что похититель был одет как мусорщик, в грязный комбинезон. Шум машины она слышала, но ничего не видела, потому что сидела в кустах – играла с Мелиссой в прятки. Между тем это не мог быть мусорщик, потому что по воскресеньям мусор не забирают. Тут отчим вспомнил про эвакуаторов, которые постоянно ездят туда-сюда как раз по воскресеньям. Сыщики ухватились за ниточку и стали обходить все штрафные стоянки.

Окрестности Уилшира обслуживали три фирмы, в том числе «Аардварк». Помимо Джессапа, у них работали еще двое: Дерек Уилберн и Уильям Клинтон – ага, как будущий президент. Их допросили поодиночке, но ничего подозрительного не всплыло. Потом проверили по картотеке. На Джессапа и Клинтона ничего не нашлось, а Уилберн, как оказалось, два года назад арестовывался по подозрению в изнасиловании, хотя осужден не был. Этого хватало, чтобы забрать его в полицию и провести опознание по всем правилам, но девочку нужно было искать срочно, времени на формальности не было.

– Значит, повезли его на место преступления, – сделал вывод Босх, – ничего другого не оставалось.

– Даже если бы Сара опознала Уилберна, суд мог не принять это во внимание, приписав внушению со стороны. Поэтому Клостер взял с собой и двух других. Отвел девочку в ее спальню на втором этаже, закрыл шторы и попросил незаметно выглянуть в щелочку, а сам дал команду напарнику вывести водителей из машины и выстроить перед домом – все трое белые, лет двадцати с небольшим, в одинаковых комбинезонах с эмблемой фирмы. Однако Сара не опознала Уилберна. Она показала на Джессапа.

Мэгги сделала паузу, сверяясь с документами.

– С момента похищения прошло чуть больше двух часов. Сыщики тут же взялись за Джессапа, но он упорно все отрицал. Во время допроса им сообщили по телефону, что в мусорном контейнере за театром «Эль-Рей» на бульваре Уилшир – примерно в десяти кварталах от дома Лэнди – найдено тело девочки. Причиной смерти, как определили позже, стало удушение. Следов изнасилования не обнаружили, как и следов спермы во рту и гортани.

Мэгги молча подняла взгляд на Босха, потом перевела на меня и мрачно кивнула, отдавая дань памяти убитой.

Глава 6

Вторник, 16 февраля, 16:48

Босху нравилось смотреть на Мэгги Макферсон и слушать, как она говорит. Видно было, что дело глубоко ее задевает. Свирепая Мэгги, так ее прозвали, но главное, именно так воспринимала себя она сама. Мэгги знала секрет, и он не касался ни судебной процедуры, ни законов, ни стратегии обвинения. Самым важным было суметь ухватить ту темную силу, что таилась во внешнем мире, и пропустить ее через себя, отковать на внутреннем огне, превратив в острое и грозное оружие, которое можно взять в руки и направить против зла – без пощады.

– Джессап отказался от дачи показаний и попросил адвоката, – продолжила Макферсон свой рассказ. – Обвинение поначалу было основано на опознании сестрой жертвы и уликах, найденных в грузовике Джессапа, – трех прядях волос в щели сиденья. По-видимому, там он ее и задушил.

– А на теле? – спросил Босх. – Ничего, что указывало бы на Джессапа или его машину?

– Ничего, что можно предъявить в суде. Следы спермы обнаружили на подоле платья двумя днями позже. На самом деле это было платье старшей сестры, младшая взяла его в то утро поносить. Образцы зафиксировали, однако анализ ДНК в уголовных разбирательствах тогда еще не применялся. Установили только группу крови: А+ – вторая в мире по распространенности, ее имеют тридцать четыре процента людей. У Джессапа такая же, но обвинитель даже не стал об этом упоминать – защита могла возразить, что подходящих мужчин только в округе Лос-Анджелес больше миллиона.

Макферсон снова бросила критический взгляд на бывшего мужа – словно тот был в ответе за любые действия защиты. Гарри начал понимать, почему их брак не удался.

– Страшно подумать, до чего дошел прогресс, – усмехнулся Холлер. – Теперь у нас возбуждают и закрывают дела на основании одного лишь анализа ДНК.

– Итак, обвинение располагало уликой и показаниями свидетеля. Возможность совершить преступление Джессап имел: он хорошо знал те места и работал в то утро поблизости. Выяснили также, в основном уже на стадии обсуждения смертной казни, что в детстве он подвергался жестокому обращению со стороны отца и отличался неадекватным поведением, – это уже к вопросу о мотивах. Однако стоит отметить – предупреждая твой вопрос, Холлер, – уголовного обвинения ни разу прежде предъявлено не было.

– А изнасилование, вы сказали, исключено? – уточнил Босх.

– Хотя никаких следов обнаружено не было, сексуальная мотивация, безусловно, присутствовала. Даже если не принимать во внимание следы спермы, это классический случай преступления ради ощущения власти, совершенного человеком, никакого веса в этом мире не имеющим. Он действовал импульсивно, повинувшись порыву. По мнению тогдашних обвинителей, сперма на платье также укладывается в общую картину – считалось, что после убийства он стал мастурбировать и случайно оставил след, хотя и не каплю, а мазок, едва заметный.

– Думаю, наш повторный анализ ДНК поможет это объяснить, – вставил Холлер.

– Возможно, – согласилась Макферсон, – но пока давайте не будем касаться новых данных. Останемся в рамках событий восемьдесят шестого года.

– Хорошо, продолжай.

– Теперь то, что содержится в деле, но не попало в обвинительное заключение. За два месяца до суда следователю позвонил заключенный из соседней с Джессапом камеры, некий...

– Понятно, тюремный стукач, – усмехнулся Холлер, – на моей памяти ни один не говорил правды, и между тем обвинители никогда не отказываются от их услуг.

– Я могу продолжить? – язвительно осведомилась она.

– Пожалуйста.

– Некий Феликс Тернер, рецидивист-наркодилер, – из тюрьмы почти не вылезал, так что изучил все правила лучше самих охранников и стал со временем дежурным. Он обычно разносил еду заключенным, которые содержались в строгой изоляции. Тернер показал на допросе, что слышал от Джессапа подробности преступления, которые мог знать только убийца. К при-

меру, о том, что девочку нашли босой и что преступник вытерся ее платьем после мастурбации. Об отсутствии признаков изнасилования прессе не сообщалось.

– Значит, они поверили и сделали его главным свидетелем, – хмыкнул Холлер.

– Да, поверили и привлекли свидетелем. Не главным, конечно, однако его показания были важны. А четыре года спустя на первой странице «Лос-Анджелес таймс» появилась статья о Дятле Тернере, профессиональном тюремном стукаче, который за семь лет выступал свидетелем обвинения по шестнадцати уголовным делам в обмен на смягчение сроков и другие поблажки вроде отдельной камеры, легкой работы и сигарет.

Босх хорошо помнил тот скандал в начале девяностых, один из самых громких за десятилетие, от которого окружная прокуратура долго не могла отмыться. В результате правила использования информаторов в судебных процессах пришлось существенно ужесточить.

– Таким образом, – продолжила Макферсон, – Тернер был дискредитирован. Выяснилось, что он нанимал частных сыщиков со стороны, чтобы получать информацию о расследованиях. С тех пор, конечно, многое изменилось...

– Недостаточно изменилось. – Холлер покачал головой. – Тюремные стукачи по-прежнему пользуются спросом.

Она недовольно нахмурилась:

– Может, вернемся к нашему делу?

– Конечно.

– Когда вышла статья в «Таймс», Джессап уже был осужден и отбывал пожизненный срок в Сан-Квентине. Само собой, он тут же подал апелляцию, указывая на злоупотребления полиции и обвинителей. Результата это не возымело: все инстанции согласились, что, хотя использование Тернера в качестве свидетеля было недопустимо, его показания не могли повлиять на решение присяжных и приговор. Остальные доказательства сочли достаточными.

– Кто бы сомневался, – буркнул Холлер. – Честь мундира...

– Кстати, через год после выхода статьи Феликса Тернера нашли убитым в Западном Голливуде, и дело так и не было раскрыто.

Холлер кивнул:

– Собаке – собачья смерть.

Некоторое время все молчали, потом Босх спросил:

– Волосы жертвы из машины Джессапа сохранились?

– Да, – ответила Макферсон. – Делу двадцать четыре года, но его никогда не оставляли в покое, так что непрерывные жалобы Джессапа пошли нам впрок. Все вещественные улики остались в целости. Хотя это дало ему возможность провести тест ДНК, зато и нам есть что использовать. А по поводу волос Джессап с первого дня заявлял, что их подбросила полиция.

– Думаю, и теперь он вряд ли изменит тактику защиты, – заметил Холлер. – Мол, девочка ошибочно опознала его под давлением, а потом – сплошная подстава. В восемьдесят шестом это не прокатило, но с тех пор много чего случилось: избиение Родни Кинга и бунт девяносто второго, дело О. Джей Симпсона, коррупционный скандал Рампарта и прочее¹. Теперь, возможно, и прокатит.

– Выходит, у нас не так много шансов? – Босх задумчиво пожевал губами.

Холлер взглянул на Макферсон:

– Судя по тому, что нам пока известно, я имел бы куда лучшие шансы, играя за другую сторону.

Глаза ее потемнели.

¹ Имеются в виду громкие дела в Лос-Анджелесе 1990-х: избиение полицейскими чернокожего водителя Родни Кинга спровоцировало массовые беспорядки в городе; звезда американского футбола О. Дж. Симпсон, осужденный за убийство жены и ее друга, был оправдан судом присяжных; в участке Рампарт Управления полиции ЛА были вскрыты факты множественных правонарушений.

– Что ж, можешь перейти.

– Нет, теперь это мое дело, пусть и проигрышное... и потом, не так уж часто мне пришлось выступать на стороне власти и порядка. Вдруг понравится.

Холлер улыбнулся, но она, похоже, не оценила юмора.

– А что стало со старшей сестрой? – спросил Босх.

Макферсон повернулась к нему:

– Это очередная проблема. Саре должно быть уже тридцать семь. Найти ее пока не получается. Родителей в живых нет: родного отца она потеряла в семилетнем возрасте, мать покончила с собой на могиле Мелиссы через три года после убийства, а отчим спился и умер шесть лет назад, не дождавшись операции по пересадке печени. Наш специалист поискал по компьютеру – следы Сары Лэнди теряются примерно тогда же. Последний раз ее видели в Сан-Франциско. В год смерти отчима у нее закончился условный срок за оборот психотропных средств. Два раза побывала замужем, несколько раз арестовывалась за наркотики и мелкие преступления, затем пропала из виду. То ли умерла, то ли взялась за ум. Если бы просто сменила имя, то отпечатки пальцев все равно остались бы в полицейских сводках, но отыскать ничего не удалось.

– Если не найдем ее, рассчитывать нам особо не на что, – сказал Холлер. – Нужен живой человек, который покажет пальцем на преступника.

– Согласна, Сара Лэнди – ключ ко всему делу. Она должна подтвердить присяжным, что не ошиблась двадцать четыре года назад. Иначе у нас только волосы жертвы из машины Джессапа против главного козыря защиты – результатов экспертизы ДНК.

– И мы вылетаем в трубу, – заключил Холлер.

Макферсон молча вздохнула.

– Не беспокойтесь, я ее найду, – сказал Босх.

Собеседники молча взглянули на него.

– Если она жива, конечно.

– Хорошо, – кивнул Холлер. – Это твоя задача номер один.

Босх достал перочинный ножик, висевший на кольце с ключами, и вскрыл красную печать на большой коробке. Он еще не знал, что внутри. Вещественные доказательства, представленные на суде, оставались в прокуратуре, все остальное хранилось в архиве.

Он натянул резиновые перчатки и снял крышку. Наверху лежал бумажный пакет с платьем жертвы. В воздухе запахло плесенью.

Босх развернул платье, держа его за плечи. Все молчали. В этой одежде девочку задушили. Платье было голубое с темно-синим бантом. Спереди – там, где нашли пятно, – из подола был вырезан квадрат размером в ладонь.

– Почему оно здесь? – спросил Босх. – Я думал, его представили на суде.

Холлер пожал плечами. Макферсон наклонилась, рассматривая платье.

– Наверное... скорее всего, из-за вырезанного куска. Это могло вызвать вопрос защитника, и тогда пришлось бы говорить о группе крови. Обвинители решили ограничиться фотографиями жертвы, а показывать платье предоставили защите, но ей оно не понадобилось.

Босх свернул платье и положил на стол. В коробке была еще пара черных кожаных туфель, маленьких и жалких. Во втором бумажном пакете находилось нижнее белье и чулки, а также заключение из лаборатории о том, что телесных жидкостей на этих предметах одежды не обнаружено.

На самом дне в пластиковом конверте лежала серебряная цепочка с подвеской в виде фигурки Винни Пуха, а в другом – детский браслетик из бусин цвета морской волны, нанизанных на резинку.

– Больше ничего, – объявил Босх.

– Надо, чтобы эксперты снова на это взглянули, – сказала Макферсон. – За четверть века технологии шагнули далеко вперед.

– Сделаем.

– Кстати, где нашли туфли? На фотографиях с места преступления их не видно.

Босх пробежал глазами отчет, припиленный к крышке коробки.

– Написано, что под телом. Очевидно, свалились с ног девочки, когда ее душили в грузовике. Убийца бросил их в мусорный ящик первыми.

Лица сидящих потемнели – каждый представлял себе эту сцену. Босх стал одну за другой убирать вещи обратно. Сверху положил цепочку с подвеской.

– До какого возраста ваша дочь увлекалась Винни Пухом? – спросил он.

Холлер и Макферсон посмотрели друг на друга. Ответила Макферсон:

– Лет до пяти-шести, а что?

– Моя тоже вроде того... но в двенадцать лет?

– Может, с ним что-то было связано? – предположил Холлер. – Наша Хейли до сих пор носит браслет, который я подарил ей лет пять назад... Ну, не все время, – поправился он, поймав ироничный взгляд бывшей супруги, – но иногда надевает – когда я ее забираю к себе. Винни Пуха тоже мог подарить родной отец.

Компьютер мелодично звякнул, извещая о приходе почты, и Макферсон взглянула на экран.

– От Джона Риваса из сотого отдела, обвинителя на вечерних предварительных слушаниях, – сказала она. – У Джессапа появился защитник, приехал ходатайствовать об освобождении под залог до суда. Клиента привезут из городской тюрьмы последним автобусом.

– Кто защитник? – спросил Холлер.

– Ты не поверишь – сам Ловкач. Клайв Ройс взялся защищать Джессапа *pro bono*², на свой страх и риск. Принял дело от «Генетической справедливости».

Босх хорошо знал это имя. Клайв Ройс был известнейшей фигурой, любимцем публики и журналистов. Он никогда не упускал возможности высказать перед камерами все, что не имел права упоминать в суде.

Холлер скривился:

– Ясное дело, *pro bono*, зачем ему гонорар? Пиар в новостях и газетные заголовки куда важнее.

– Ни разу не выступала против него, – покачала головой Макферсон. – Сгораю от нетерпения.

– Джессап уже в списке слушаний?

– Еще нет, Ройс пока говорит с секретарем. Ривас спрашивает, брать ему это на себя или ждать нас? Он будет возражать против освобождения.

– Нет, мы сами, – решил Холлер. – Идем.

Макферсон закрыла ноутбук. Босх опустил крышку коробки с вещдоками. Холлер повернулся к нему:

– Гарри, ты с нами? Поглядим врагу в лицо.

– Я с ним уже семь часов провел.

Макферсон улыбнулась:

– Думаю, что Микки имел в виду не Джессапа.

Босх понимающе кивнул. Главным противником для Холлера был Клайв Ройс.

– Нет, я пас, – сказал Босх. – Лучше отвезу все это в отдел криминалистики и поскорее займусь поисками свидетельницы. Когда найду, дам знать.

² Ради блага (*лат.*).

Глава 7

Вторник, 16 февраля, 17:30

Сотый отдел располагал самым большим помещением в здании уголовного суда. Здесь проходили утренние и вечерние предварительные слушания – двойные впускные ворота местной системы правосудия. По закону каждый арестованный должен был предстать перед судьей в течение двадцати четырех часов, и для этого требовался просторный зал, где могли разместиться все родственники и друзья подсудимого. Большинство из них пока не имели представления о длительном и изматывающем пути, на который он ступал в этот день. На предварительном слушании можно было увидеть родителей, жен и невесток, дядей и теток и даже соседей, пришедших поддержать человека, которому предъявлялось обвинение, и выразить возмущение по поводу его ареста. Восемнадцать месяцев спустя, когда колесница правосудия, поскрипывая, приближалась к конечной цели – вынесению приговора, из первоначальной толпы хорошо еще, если оставалась старушка-мать.

Публика по ту сторону ограждения, включавшая юристов всех мастей, была почти столь же многочисленна. Седые ветераны, скужающие государственные защитники, усталые обвинители, пройдошистые «советники» гангстерских синдикатов, газетчики... Одни кучковались у адвокатских столов, другие теснились у загородки из оргстекла, шепотом переговариваясь с клиентами.

Всем этим муравейником распоряжался судья Малкольм Файрстоун. Опушенная голова, острые вздернутые плечи, с каждым годом приближавшиеся к ушам, в черной мантии, похожей на сложенные крылья, он напоминал стервятника, готового полакомиться окровавленными объедками системы правосудия.

Файрстоун вел предварительные слушания, которые начинались в три часа дня и могли продолжаться до самой ночи – в зависимости от количества дел. Поэтому он не был склонен тянуть с разбирательством. В сотом отделе только успевай поворачиваться – здешний конвейер движется без остановки. Судье хотелось домой. Хотелось домой прокурорам и защитникам. Всем хотелось домой.

Едва мы с Мэгги вошли, мне бросились в глаза видеокамеры в левом углу зала напротив стеклянного загончика, куда арестованных приводили партиями по шесть человек. На этот раз яркого света не было, и я легко разглядел среди операторов своего приятеля, который как раз закреплял ножки штатива, давшие ему прозвище Стикс. Мы кивнули друг другу.

Мэгги тронула меня за локоть, показывая на стол обвинителей, где сидели четверо:

- Вот он, Ривас, с краю.
- Понял. Поговори с ним, пока я отмечусь у секретаря.
- Холлер, ты забыл, кто ты? Тебе не нужно отмечаться.
- Ах да.

Мы подошли к столу, и Мэгги представила нас с Ривасом друг другу. Государственный обвинитель был совсем мальчишка, судя по всему, недавний выпускник одной из лучших юридических школ, и ждал лишь удобной возможности, чтобы вырваться из ада предварительных слушаний и взойти на следующую ступеньку служебной лестницы. Однако в поведении молодого человека чувствовалась настороженность. Хотя я и собирался облегчить ежедневную ношу Риваса, но был при этом чужаком, гостем с другой стороны, а еще точнее – лисой в курятнике. Впрочем, сегодня его подозрениям предстояло лишь укрепиться.

Пожав руку Ривасу, я стал высматривать в зале Ройса. Он сидел у барьера и беседовал с молодой женщиной, по виду своей помощницей. Оба склонились над открытой папкой, перебирая кипу документов. Я приблизился и протянул руку.

– Клайв Ройс, «королевский адвокат»! Как поживаешь, старина?

Его загорелое лицо осветилось широкой улыбкой. Как истинный джентльмен, Ройс встал, отвечая на рукопожатие.

– Привет, Майк! Жаль, что мы сегодня на разных берегах.

Может, ему и было жаль, но не слишком. Он построил всю свою карьеру, ставя исключительно на фаворитов, и ни за что не согласился бы вести дело на свой страх и риск, тем более под пристальным вниманием прессы, не будь полностью уверен в очередной победе и порции бесплатной рекламы. Клайв Ройс пришел, чтобы выиграть, и за его сияющей улыбкой проглядывал хищный оскал.

Я улыбнулся в ответ:

– Мне тоже, и боюсь, ты скоро заставишь меня пожалеть еще больше.

– Что ж, в конце концов, мы оба выполняем свой долг. Я вытягиваю Джессапа, так сказать, на общественных началах, а ты помогаешь окружному прокурору.

Прожив в Америке больше половины из своих пятидесяти лет, Ройс все еще сохранял британский акцент, что придавало ему некий культурный лоск, мало, впрочем, сочетавшийся с гнусностью преступлений, в которых обвинялись его обычные клиенты. Габардинувый костюм-тройка в чуть заметную полоску, блестящая лысина, покрытая ровным загаром, и крашенная черная борода, ухоженная до последнего волоска, дополняли всем известный облик светила адвокатуры.

– Можно и так сказать, – согласился я.

– О, где же мои манеры? – спохватился Ройс. – Майк, познакомься с Дениз Грейдон – она будет помогать мне в защите мистера Джессапа.

Женщина встала и крепко пожала мне руку.

– Очень приятно, – кивнул я и оглянулся, чтобы, в свою очередь, представить Мэгги, но она обсуждала что-то с Ривасом за столом обвинителей. Я снова повернулся к Ройсу: – Ваш клиент уже в списке?

– Да, конечно. Идет первым в следующей группе. Будем ходатайствовать об освобождении до суда... Майк, пока у нас есть время, может, перекинемся парой слов в кулуарах?

– Охотно, Клайв.

Он велел помощнице позвать нас, когда в стеклянной клетке появится Джессап, и двинулся по проходу между рядами, полными публики. Миновав металлоискатель в дверях, мы вышли в коридор.

– По чашечке чая? – предложил Ройс.

– Нет, не успеем. Что за дело, Клайв?

Он сцепил пальцы и нахмурился.

– Ты должен знать, Майк, что я не собираюсь тебя унижать, ты мой друг и коллега, но ты сам загнал себя в тупик. И что же нам теперь делать?

Я улыбнулся, оглядывая коридор. Сновавшие вокруг люди не обращали на нас внимания.

– Твой клиент предлагает досудебное соглашение?

– Наоборот! Мой клиент никогда не признает своей вины и не пойдет ни на какие переговоры. Окружной прокурор совершил крупную ошибку, и всем ясно, что он затеял и почему использует тебя как пешку. Я обязан тебя предупредить как профессионал профессионала, что привлечение Джессапа к суду грозит тебе крупным поражением.

Прежде чем я успел ответить, из зала вышла Дениз Грейдон.

– Кто-то из первой группы оказался не готов, и вместо него вызвали Джессапа, – сообщила она.

– Сейчас придем, – ответил Ройс.

Поколебавшись, она вернулась в зал. Ройс хотел что-то сказать, но я перебил его:

– Я очень ценю твою любезность и твое беспокойство, Клайв, но если Джессап хочет суда, он его получит. Мы готовы к процессу, еще посмотрим, кто потерпит поражение.

– Что ж, отлично! – улыбнулся он, поворачиваясь к входу в зал. – Значит, померяемся силами.

Слушания уже начались. Спускаясь по проходу, я вдруг заметил в одном из рядов Лорну Тейлор. Лорна – мой менеджер и вторая бывшая жена. Наклонившись к ней, я шепнул:

– Эй, ты что тут делаешь?

– Хочу посмотреть на исторический момент.

– А как узнала? Мне самому сообщили четверть часа назад.

– Значит, на радио сообщили тоже. Я подыскивала офис и услышала в новостях, что Джессапа привезли в суд, вот и решила полюбопытствовать.

– Спасибо, что пришла, Лорна. Как поиски?

– Осталось посмотреть еще три помещения – думаю, этого хватит. Завтра принесу варианты, хорошо?

– Да, отлично... – Я услышал, как секретарь назвал имя Джессапа. – Все, побежал, позже поговорим.

– Сделай их, Микки!

Поспешно спустившись, я занял пустое место рядом с Мэгги за столом обвинителей – Ривас уже перешел в первый ряд кресел перед судейским барьером. Ройс стоял возле стеклянной загородки и что-то шептал клиенту. Тот, одетый в оранжевый тюремный комбинезон, невозмутимо кивал в ответ. Я знал, что Джессапу сорок восемь лет, но выглядел он не старше сорока, несмотря на долгие годы, проведенные за решеткой. Даже его бледность не казалась болезненной, особенно рядом с пережаренным на солнце Ройсом.

– Ты где был? – злобно прошипела Мэгги. – Я уж думала, самой придется выступать!

– В коридоре, разговаривал с адвокатом защиты. Обвинения у тебя под рукой? На случай если придется зачитать.

– Не придется. Просто встань и скажи, что Джессап представляет опасность для общества и может скрыться от правосудия. Он...

Я покачал головой:

– Не сбежит. По словам Ройса, он рвется в бой. Джессап хочет денег, а единственный способ их получить – выиграть процесс.

– И что? – Она недоуменно взглянула на меня, потом на кипу приготовленных бумаг.

– Мэг, я знаю, ты привыкла все оспаривать и делать по-своему. Сейчас это не пройдет. У меня собственная стратегия, и...

– В таком случае я ухожу, – перебила она, резко отодвинув стул и хватая портфель. – Оставайся со своей стратегией и своим плешивым дружкой из защиты!

– Мэг!

Я проводил ее взглядом. Каков бы ни был результат, отношения рано или поздно нужно было выяснить.

Ройс встал и назвал себя. Затем поднялся я:

– Майкл Холлер, от имени народа.

Даже судья Файрстоун оторвался от бумаг и с любопытством взглянул на меня поверх очков. Наверное, не каждую неделю в его владениях происходило нечто столь необычное. Прожженный адвокат защиты обвиняет от имени народа!

– Итак, господа, – объявил судья, – начинаем предварительное слушание дела. Ко мне поступило ходатайство об освобождении под залог...

Джессап получил пожизненный срок за похищение и убийство. Верховный суд отменил приговор, но предъявленные тогда обвинения остались в силе, так же как отказ подсудимого от признания вины. Теперь предстояло вновь передать дело в суд, и обычно вопрос о мере пресечения решал основной судья, однако Джессап с помощью защитника решил ускорить события.

– Ваша честь, – начал Ройс, – двадцать четыре года назад моему клиенту уже были предъявлены обвинения. Сегодня мы хотели бы обсудить возможность его освобождения до суда. Мистер Джессап не намерен отказываться от своего права на безотлагательное судебное разбирательство, он и без того слишком долго ждал правосудия...

Я знал, что скажет Ройс, потому что на его месте сказал бы то же самое. Право на суд гарантировано каждому гражданину, но чаще всего процесс откладывается по просьбе защиты либо обеих сторон, если требуется обсудить досудебное соглашение. Ройс избрал тактику давления, и это понятно: в сложившейся ситуации с доказательствами, не говоря уже об отсутствии главного свидетеля, лишь полный идиот мог дать стороне обвинения время на подготовку. Как только Верховный суд отменил приговор, часы начали тикать – прокуратура получила ровно шестьдесят дней до начала повторного процесса, из которых шестнадцать уже прошли.

– В таком случае я передаю дело на оформление, – сказал Файрстоун, – и предпочел бы, чтобы вопрос о мере пресечения решил судья, назначенный вести процесс.

Ройс помолчал, собираясь с мыслями и одновременно развернувшись лицом к камерам, потом продолжил хорошо поставленным голосом:

– Ваша честь, мой клиент провел двадцать четыре года в тюремной камере, не имея никакой вины, и это не мои слова, а мнение Верховного суда. Теперь его привезли сюда, чтобы снова предать суду. Все это результат одного и того же сговора, не имеющего ничего общего с правосудием, но напрямую связанного с деньгами и политикой. Цель его – избежать ответственности за незаконное лишение свободы. Оставить моего клиента за решеткой до следующего заседания значило бы продолжить надругательство над законом, которое продолжается уже более двух десятков лет...

Судья Файрстоун поморщился. Отлаженный конвейер предварительных слушаний дал сбой. Список на сегодняшний вечер наверняка включал добрую сотню дел, и чтобы попасть домой к восьми часам, следовало поторопиться. Настойчивость Ройса грозила продолжительными дебатами. Однако и его, и судью ждал большой сюрприз. Если кто-то из присутствующих и опоздал бы к ужину, то не по моей вине.

Адвокат ходатайствовал ни больше ни меньше как об освобождении Джессапа без залога, под собственное поручительство клиента, ссылаясь на отсутствие у того средств. Разумеется, он рассчитывал на торг, и это была лишь первоначальная заявка. Обвиняемых в убийстве не отпускают под честное слово, а в редких случаях, когда отпускают вообще, денежный залог достигает внушительных сумм. Каким образом подсудимый добудет их – с помощью своих сторонников или в счет будущих гонораров, – никого не интересует.

В заключение Ройс заверил, что Джессап не скроется от правосудия, приведя фактически те же доводы, что и я в споре с Мэгги.

– У мистера Джессапа нет иной цели, кроме как очистить свое доброе имя после стольких лет несправедливого заточения и убедить общество, что столь кошмарную цену он заплатил за ошибки и неправомерные действия окружной прокуратуры.

Пока адвокат говорил, я внимательно наблюдал за обвиняемым сквозь стеклянный барьер. Понимая, что находится в кадре, он старался сохранять выражение справедливого негодования, но, несмотря на все усилия, не мог скрыть огонька злобы в глазах. За четверть века тюрьмы ненависть въелась в него, как грязь.

Судья предоставил слово представителю прокуратуры. Я встал и дождался, пока он отопрется от заметок.

– Я вас слушаю, мистер Холлер.

– Ваша честь, если мистер Джессап предоставит сведения о месте своего проживания, обвинение не возражает против его освобождения до суда.

Файрстоун долго смотрел на меня, не веря своим ушам. Шум в зале постепенно затихал, пока не воцарилась полная тишина.

– Я правильно вас понял, мистер Холлер? Вы согласны с освобождением обвиняемого в убийстве под его собственное поручительство?

– Да, ваша честь. Мы совершенно уверены, что мистер Джессап не станет уклоняться от судебного разбирательства. В противном случае он не заработает тех денег, на которые рассчитывает.

Ройс вскочил с места:

– Ваша честь! Защита возражает против оскорбительных инсинуаций мистера Холлера, рассчитанных на прессу. У моего клиента нет никаких других целей, помимо...

– Я понял, мистер Ройс, – перебил Файрстоун, – однако и вы сами, мне кажется, немало позировали перед камерами. Оставим это. Итак, ввиду отсутствия возражений у защиты я принимаю решение освободить мистера Джессапа под его собственное поручительство до начала основного судебного разбирательства, как только будут предоставлены документы, удостоверяющие место его будущего проживания. Мистер Джессап не имеет права покидать территорию округа Лос-Анджелес без разрешения суда, которому будет передано данное дело.

Предварительное слушание закончилось, судья Файрстоун сделал свое дело и мог вновь запустить привычный конвейер, чтобы успеть домой к ужину. Я собрал папки, оставленные моей строптивой помощницей, и повернулся к выходу.

– Ну как, Майк, понравилось? – спросил Ройс, также собиравший бумаги в портфель.

– Что именно?

– Выступать за другую сторону.

– Честно говоря, пока разница небольшая, – улыбнулся я, – одни процедурные вопросы.

– Не взгреют тебя за то, что отпустил моего клиента?

– Ну и черт с ними! Главное, Клайв, проследи, чтобы Джессап не натворил чего, а то мне и впрямь несдобровать, а ему в особенности.

– Не проблема, присмотрим, – отмахнулся он. – Ты о другом беспокойся.

– О чем же?

– Улик почти нет, главный свидетель в бегах, да плюс ко всему результаты экспертизы. Майк, ты на мостике «Титаника» – по милости Уильямса. Интересно, на какой крючок он тебя поймал?

Меня тоже кое-что интересовало: откуда Ройсу известно, что у нас нет свидетеля? Само собой, спрашивать я не стал, как и реагировать на шпильку насчет Уильямса. Лучше остаться в образе самоуверенного обвинителя.

– Передай клиенту, пусть наслаждается свободой, пока может. Скоро новый приговор.

Ройс с усмешкой захлопнул папку с делом и переменил тему:

– Когда будем знакомиться с материалами?

– Когда хочешь. Завтра с утра подготовлю файл.

– Отлично, Майк, не хотелось бы с этим тянуть.

– Конечно, Клайв, как скажешь.

Он задержался у секретаря, чтобы заняться освобождением Джессапа, а я нашел Лорну и вместе с ней вышел из зала. За дверью перетаптывалась кучка репортеров, посыпались вопросы о странной сговорчивости защиты, но я отказался комментировать, и они стали караулить Ройса.

– Ну, не знаю, Микки, – тряхнула головой Лорна. – Трудно даже представить, что скажет окружной прокурор...

Ее слова прервало жужжание мобильного у меня в кармане. Я забыл отключить его, когда входил в зал суда, – ошибка, которая могла дорого обойтись, если учесть раздражительность Файрстоуна и его отношение к новомодным электронным приспособлениям.

- Вот сейчас и представим. – Я дал Лорне взглянуть на экран.
- Ох... Ладно, я побежала. Осторожнее, Микки.
- Она чмокнула меня в щеку и направилась к лифтам. Я нажал кнопку, принимая вызов.
- Холлер, какого черта?! – взвизгнул телефон голосом Гэбриела Уильямса.
- Вы о чем? – невинно осведомился я.
- Мне доложили, что вы отпустили Джессапа без залога!
- Совершенно верно.
- Вот я и спрашиваю: какого черта?!
- Послушайте, я...
- Нет, это вы послушайте! Не знаю, может, вы пошли на поводу у старого приятеля, может, просто по глупости, не важно – убийца не должен гулять на свободе! Никогда! Понятно? Немедленно идите к судье и просите повторного слушания.
- Нет, не пойду.
- Последовало долгое молчание, потом Уильямс вкрадчиво спросил:
- Я вас правильно понял, Холлер?
- Не знаю, как вы меня поняли, но отыгрывать назад я не стану. Вы подкинули мне кучу дерьма, Уильямс, и теперь я вынужден его разгребать – так хотя бы не мешайте! Улики столетней давности, анализ ДНК, пропавший свидетель...
- А освобождение до суда – оно-то тут при чем?
- Разве не понятно? Джессап отсидел двадцать четыре года, а тюрьма – не воскресная школа. Кем бы он ни был вначале, сейчас он еще хуже и, оказавшись на свободе, непременно что-нибудь натворит, а это поможет нам на процессе.
- Иначе говоря, вы намеренно подвергаете общество риску, отпуская преступника?
- Нет, потому что вы пойдете в полицейское управление и организуете за ним слежку. Никто не пострадает, зато как только Джессап оступится, он тут же вернется за решетку.
- Снова пауза, однако на этот раз я услышал приглушенные голоса. Ясно, советуется с Джо Риделлом. Затем Уильямс снова заговорил, уже спокойнее:
- Согласен, но зарубите себе на носу: перед любым подобным шагом обязательно докладывайте мне!
- Не собираюсь, – отрезал я. – Вы хотели независимого обвинителя, и вы его получили. Хотите – берите, хотите – нет.
- Помолчав, он отключился, не сказав ни слова. Я захлопнул крышку телефона и стал наблюдать, как Клайв Ройс выходит из зала в толпу репортеров. Привычно подождав, пока все выберут удобные места и настроят объективы, он начал первую из множества тщательно подготовленных «импровизированных» пресс-конференций:
- У меня сложилось впечатление, что окружная прокуратура сильно напугана...
- На его месте я сказал бы то же самое. Дальше слушать было неинтересно.

Глава 8

Среда, 17 февраля, 09:48

Те, кто не хочет, чтобы их нашли, иногда заматают следы. Другие не думают об оставленных следах. Для них главное – как можно дальше уйти от прошлого.

Изучив материалы следствия, Босх всего за час-другой выяснил новое имя и адрес пропавшей свидетельницы Сары Лэнди, старшей сестры убитой Мелиссы. Она не замечала следы, просто бежала куда глаза глядят. После Сан-Франциско ничего найти не удалось лишь потому, что тот, кто искал ее по просьбе Мэгги Макферсон, не догадался поглубже заглянуть в прошлое.

Босх начал с того же, что и его предшественник, введя в компьютер имя Сары Лэнди и дату ее рождения – 14 апреля 1972 года. Полицейские поисковые системы тут же выдали массу информации о контактах свидетельницы с муниципальными и правоохранительными службами.

Началось все с арестов за наркотики в 1989–1990 годах. Тогда девочкой занимался отдел по работе с несовершеннолетними, который отнесся к ней с пониманием и сочувствием, но в конце 1991-го и дважды в следующем году ситуация была уже другой. Сара получила условный срок с программой психиатрической реабилитации и в течение нескольких последующих лет в полицейские сводки не попадала. Поисковая система выдала ряд ее лос-анджелесских адресов начала девяностых – все как один в трущобах с дешевым жильем и доступными наркотиками. Девушка курила кристаллический метамфетамин, сжигающий мозговые клетки миллионами.

После 1992 года Сара Лэнди, девочка, которая пряталась в кустах и видела, как убийца похитил ее сестру, в полицейских файлах отсутствовала. Зато появились другие.

Босх достал из коробки первую папку с материалами следствия, нашел номер социального страхования Сары и скормил его компьютеру вместе с датой рождения. Это дало еще два имени: Сара Эдвардс и Сара Уиттен. Обычно смена фамилии женщины означала замужество, почему специалист из прокуратуры и сделал свой вывод о двух браках.

Под именем Сары Эдвардс аресты продолжались, включая два за хранение наркотиков и один за занятие проституцией. Однако они стали реже, и тюремных сроков Сара не получала ни разу.

На фотографиях Босх увидел молодую женщину. Она лихо меняла цвет волос и прическу, но в глазах застыли боль и вызов. На одном из снимков – синяк под левым глазом и ссадина на скуле. История обычная, замкнутый круг наркотиков и преступлений – и никогда не заживающая кровоточащая рана в душе.

С 1997-го – новые аресты, уже под фамилией Уиттен, которую она взяла. Изменилось только место проживания. Очевидно, Сара поняла, что ходит по тонкому льду и, несмотря на печальную историю ее детства, которая до сих пор принималась во внимание прокурорами и судьями, впереди маячит тюремный срок. Она перебралась севернее, в Сан-Франциско, где снова принялась за старое. Наркотики, мелкие преступления... На снимках – женщина за сорок, хотя ей не исполнилось и тридцати. В 2003-м – первый значительный тюремный срок за хранение наркотиков: шесть месяцев в тюрьме округа Сан-Матео. После отбытия четырех из них принудительная реабилитация. Это было последнее столкновение Сары Уиттен с правоохранительной системой. В дальнейшем в сводках арестованных ни имя, ни номер социального страхования не фигурировали, не попадались они и в заявлениях на водительские права, поданных в каком-либо из штатов.

Босх попробовал поискать в Интернете, используя разные хитрые приемы, которым научился, работая в отделе нераскрытых преступлений. Все было бесполезно. Сара исчезла. Тогда он снова полез в коробку с материалами следствия, посмотрел на фотокопию свидетельства о рождении и припомнил, что девочка жила с матерью и отчимом. В свидетельстве стояло имя Сара Энн Глисон.

Никакой криминальной истории, связанной с этим именем, в компьютере не имелось, зато нашлось водительское удостоверение, выданное шесть лет назад в штате Вашингтон и продленное всего два месяца назад. Босх вывел на экран фотографию – немного похожа. Он всмотрелся – да нет, это она, но на вид гораздо моложе!

Что-то заставило Сару оставить прежние привычки. Вылечилась? Родила ребенка? Так или иначе, жизнь ее явно изменилась к лучшему.

Он пропустил новое имя через другие поисковые системы и получил адрес, совпадавший с указанным на водительском удостоверении: Порт-Таунсенд, штат Вашингтон. Босх вывел

карту – вот она, точка на полуострове Олимпик на крайнем северо-западе. Сара Лэнди изменила имя еще раз, уехала так далеко, как только смогла, и все же он нашел ее!

Он потянулся к служебному телефону, но тот зазвонил сам. Говорил лейтенант Стивен Райт, начальник особого отдела расследований полиции Лос-Анджелеса.

– Четверть часа назад мы взяли Джессапа под наблюдение. Бросили все силы, будем присылать отчеты каждое утро. Если понадобится что-то еще или захотите присоединиться, звоните.

– Спасибо, лейтенант, обязательно.

– Будем надеяться, что повезет.

– Хорошо бы.

Не вешая трубку, Босх набрал номер Мэгги Макферсон.

– У меня кое-что есть. Прежде всего, Джессап под колпаком у особого отдела, Уильямс может не волноваться.

В трубке послышался смешок.

– Жизнь полна неожиданностей.

– Ага. Кто знает, может, они пристрелят Джессапа, и некого будет судить.

Особый отдел расследований действовал уже более сорока лет и имел на своем счету больше убитых преступников, чем любое другое элитное подразделение, включая полицейский спецназ. Он использовался для тайной слежки за самыми коварными и опасными хищниками в человеческом облике, которых можно было остановить, лишь схватив на месте преступления. Поэтому аресты часто имели фатальные последствия.

Говоря о неожиданности, Макферсон имела в виду то, что Гэбриел Уильямс начинал свою карьеру адвокатом по гражданским правам. Он неоднократно подавал иски против окружной прокуратуры по поводу стрельбы, учиненной бойцами особого отдела, доказывая, что они намеренно провоцировали подозреваемых на смертельный конфликт. Когда после очередной засады были убиты четверо налетчиков, грабивших закусочную, Уильямс во всеуслышание назвал особый отдел «батальоном смерти» – и вот теперь сам использовал тот же самый батальон в своей собственной комбинации, рассчитывая на политические дивиденды.

– Они будут нас информировать?

– Да, каждое утро, и позовут, если что-нибудь случится.

– Отлично. У тебя еще что-то? Я спешу, заканчиваю старые дела, вот-вот начнется слушание...

– Да, я нашел свидетельницу.

– Ты просто гений!.. Где?

– В Порт-Таунсенде, штат Вашингтон, на самом севере полуострова Олимпик. Она использует свое настоящее имя Сара Энн Глисон и, похоже, не имела ни одного привода в полицию за последние шесть лет.

– Это хорошо.

– Не обязательно.

– Почему?

– Мне кажется, Сара всю жизнь пытается убежать от того, что произошло в то воскресное утро в Хэнкок-Парке. Если теперь это удалось и она нашла в Порт-Таунсенде покой и счастье, захочется ли ей сыпать соль на старые раны?

– Даже ради родной сестры?

– Кто знает? Двадцать четыре года прошло.

Мэгги долго молчала, потом вздохнула:

– Что ж, будем надеяться на лучшее. Когда ты туда поедешь?

– Как только смогу. Надо еще дочку пристроить. Когда я ездил за Джессапом, она ночевала у своей одноклассницы – не лучший вариант. И вот снова в дорогу...

– Сочувствую. Я хотела бы поехать с тобой.

– Да я справлюсь.

– Знаю, что справишься, но присутствие женщины, причем прокурора, принесло бы пользу. Сара может стать ключом ко всему делу, и я хочу сама с ней работать. Очень важно, как начать разговор.

– Я разговариваю со свидетелями уже тридцать лет. Думаю, что...

– Наш отдел командировок все устроит. Полетим вместе, по пути обсудим тактику.

Босх помолчал. Ее не переспоришь.

– Ладно.

– Значит, решено. Я скажу Микки и займусь оформлением. Закажу утренний рейс. Завтра я свободна, для тебя это не слишком рано? Не хочется откладывать на будущую неделю...

– Справлюсь.

Был еще один повод для разговора с Мэгги, но теперь Босх решил не спешить с обсуждением планов расследования.

Повесив трубку, он некоторое время барабанил пальцами по столу, обдумывая, что сказать Рейчел Уоллинг, потом вытащил мобильник и нашел в памяти ее имя. К его удивлению, она ответила сразу. Вполне могла скинуть на автоответчик – давний роман был еще свеж в памяти.

– Привет, Гарри.

– Привет, Рейчел. Как поживаешь?

– Нормально, а ты?

– Тоже ничего. У меня тут одно дельце...

– Понятно. Гарри Босх всегда действует напрямую, в обход инстанций.

– С этим по инстанциям не получится, и вообще, твоему мнению я доверяю больше всего. А то отдадут какому-нибудь аналитику из академии в Куантико, кто он, что он – один только голос в телефоне... да еще жди потом два месяца, пока удосужится позвонить. Ты сама что бы сделала на моем месте?

– Ну... наверное, то же самое.

– А кроме того, Рейчел, я не хочу официально привлекать к этому делу ФБР, мне нужно только твое мнение и совет.

– Что за дело?

– Думаю, тебя заинтересует. Убийство девочки двенадцати лет в восемьдесят шестом. Обвиняемого посадили тогда же, теперь назначен повторный процесс, и я подумал, что анализ психологии преступника прокурору пригодится.

– Случайно, не дело Джессапа, про которое говорили в новостях?

– Оно самое.

По голосу Босх понял, что Рейчел заинтересовалась.

– Ладно, приноси все, что есть. Тебе когда надо? У меня работа, вообще-то.

– Такой спешки, как тогда, в Эхо-парке, сейчас нет. Завтра меня не будет в городе, может, и послезавтра... Ты все там же, над театром «Миллион долларов»?

– Да.

– Я завезу материалы.

– Жду.

Глава 9

Среда, 17 февраля, 15:18

Единственным обитателем камеры при сто двадцать четвертом отделе на тринадцатом этаже здания уголовного суда сегодня был мой клиент Кассиус Клэй Монтгомери. Он уныло сидел на скамейке в углу и не встал при моем появлении.

– Извини, опоздал, – бросил я на ходу.

Молчание. Я усмехнулся:

– Брось, Кэш. Ты ведь никуда не спешишь. Какая разница, где ждать – здесь или в тюрьме?

– Там телевизор есть, – буркнул он, поднимая взгляд.

– А, ты пропустил шоу Опры Уинфри... Может, все-таки подойдешь, чтобы нам не перекрикиваться?

Он встал и приблизился к решетке. Я стоял с другой стороны, за красной линией, обозначающей безопасную дистанцию в три фута.

– Кричи не кричи – все равно. Тут никого больше нет, не подслушают.

– Ладно, не сердись, я же извинился. Сегодня много дел.

– Ну да, ну да, когда становишься большим человеком и светишься на экране, трудно помнить о мелком ниггере.

– Ты о чем?

– Я видел тебя в новостях, приятель. Что за хрень? Ты прокурором заделался?

Понятно. Дело не в долгом ожидании и не в пропущенном телешоу. Клиента шокировало мое «предательство».

– Могу только сказать, что взялся за это без всякой охоты. Я не прокурор, а адвокат защиты, твой адвокат. Сам знаешь, бывает в жизни так, что не можешь отказаться.

– И что теперь будет со мной?

– Ничего. Я по-прежнему тебя защищаю, Кэш, и сейчас нам надо принять важное решение. Сегодняшнее слушание всего лишь формальность, они назначат дату судебного разбирательства, и все, но предложение мистера Хеллмана ждать не будет. Если мы сегодня скажем судье, что готовы идти на процесс, то разбирательство состоится. Ты подумал?

Монтгомери молча уткнулся лбом между прутьями решетки. Я понял, что выбор ему не по силам. Девять лет из своих сорока семи он уже провел в тюрьмах и теперь обвинялся в вооруженном грабеже и нанесении тяжких телесных повреждений. По данным полицейского расследования, он прикинулся покупателем на подпольном рынке наркотиков в районе Родиа-Гарденс, но неожиданно наставил на продавца оружие и потребовал деньги. Тот схватил его за руку, пистолет выстрелил, и продавец, член банды «крипсов» по имени Дарнелл Хикс, оказался до конца жизни в инвалидном кресле.

Как обычно в таких случаях, желающих сотрудничать со следствием не было. Даже пострадавший заявил, что ничего не помнит, предоставив вершить правосудие друзьям из банды. Однако сыщикам удалось докопаться до улики. На выезде из Родиа-Гарденс машину моего клиента зафиксировала видеокамера, а экспертиза машины обнаружила следы крови на дверце – доказательства не стопроцентные, но вполне достаточные, чтобы отнестись серьезно к предложению обвинителя. Если Монтгомери признавал свою вину, то получал три года тюрьмы, из которых реально отсидел бы два с половиной, но, пойдя на риск судебного разбирательства, мог в случае неудачи сесть на все пятнадцать. Грабеж с применением огнестрельного оружия плюс тяжкие телесные повреждения – не шутка. Судья Джудит Шампейн в подобных случаях не знала пощады.

Я однозначно рекомендовал клиенту пойти на предложенную сделку. На мой взгляд, думать тут было нечего, однако, в конце концов, сидеть предстояло не мне. Монтгомери никак не мог решиться, и дело было не в сроке, а в личности пострадавшего. У его дружков-бандитов были свои люди повсюду, и даже трехлетний срок мог означать смертную казнь.

– Предложение выгодное, – продолжал я. – Окружная прокуратура не хочет идти на процесс с такими уликами и свидетелем, который не желает говорить. Поэтому тебе дают возможность дешево отделаться. В общем, решай. Две недели на размышления закончились, осталось несколько минут.

Монтгомери хотел покачать головой, но решетка не пускала.

– Как это понимать? – спросил я.

– Так, что все хреново! Неужели мы не можем выиграть? Ты же теперь прокурор! Поговори там со своими...

Я тяжело вздохнул:

– Это разные вещи, Кэш. Не могу. Решать тебе: соглашайся на три года – или судимся. Шансы у нас имеются, я уже говорил. У них нет оружия, и жертва не дает показаний – это хорошо, но кровь на дверце и кадры с видеокамеры не оспоришь. Конечно, мы сыграем на самозащите: ты просто покупал, а он увидел твои деньги и попытался их забрать. Присяжные могут поверить, тем более если Хикс не станет отвечать, а я буду задавать такие вопросы, что Аль-Капоне по сравнению с ним покажется ягненком.

– Что еще за Аль-Капоне?

– Ты шутишь?

– Нет, серьезно, кто это такой?

– Ладно, не важно... Ну что, Кэш, как решим?

– Значит, судиться мы можем?

– Можем – только ставки уж больно высоки.

– В смысле?

– Три года против пятнадцати, Кэш. Стоит ли рисковать?

Он выпрямился, продолжая держаться за решетку. На лбу остались отпечатки стальных прутьев.

– Три или пятнадцать – мне все равно не выжить. Они достанут меня в любой тюрьме штата. В округе – другое дело, там сидишь в одиночке под хорошей охраной.

Я кивнул. В окружной тюрьме содержались обвиняемые и осужденные на короткие сроки. Беда в том, что заключение сроком больше года полагалось отбывать в тюрьме штата.

– Ладно, стало быть, идем на суд?

– Да.

– Тогда жди.

Я тихонько постучал в дверь судебного зала, мне открыл охранник. Судья Шампейн вела рабочее заседание по другому делу. У барьера сидел наш обвинитель, и я подошел к нему. С Филипом Хеллманом мы сталкивались на процессе впервые, и он показал себя вполне разумным человеком. Проверим еще раз, каков предел его сговорчивости.

– Говорят, Микки, мы теперь коллеги? – улыбнулся он.

– Только на время. Я не планирую делать у вас карьеру.

– И хорошо, мне не нужны лишние конкуренты. Так что с нашим делом, решили?

– Хотелось бы обсудить еще разок...

– Микки, предложение и так щедрее некуда! Не могу же я...

– Да нет, ты прав, конечно, и мы с клиентом очень тебе благодарны. Проблема в другом: он не может пойти на сделку, потому что попасть в тюрьму штата для него равносильно смертному приговору. Ты же сам знаешь: «крипсы» до него там доберутся.

– Ну, во-первых, не знаю, а во-вторых, на что он рассчитывал, когда пытался подстрелить и ограбить одного из них?

Я кивнул:

– Хороший вопрос. Правда, мой клиент утверждает, что это была самозащита – пострадавший первым выхватил оружие. Тебе предстоит добиваться правосудия для человека, который его не хочет, потому что отказывается говорить или врет, что ничего не помнит.

– Ну и что? Пулю-то он получил.

– Не уверен, что присяжные на это купятся, особенно когда я изложу его биографию. Для начала спрошу у него, чем он зарабатывает на жизнь, и смогу доказать, что исключительно продажей наркотиков – с двенадцати лет, когда мать выкинула его на улицу.

– Все это, Микки, мы уже обсуждали. Чего ты хочешь? Я уже, ей-богу, готов послать все к черту и передать дело в суд!

– Чего я хочу? Хочу, чтобы ты не испортил свою блестящую карьеру.

– Что?

– Слушай, ты молодой, у тебя все впереди. Говоришь, не нужны конкуренты? А проиграть одно из первых дел тебе нужно? Не лучше ли сбыть его с рук и успокоиться? Я прошу год в тюрьме округа и возмещение убытков – любое, сумму сам назовешь.

– Ты смеешься? – воскликнул он и, заметив, что судья обернулась, повторил шепотом: – Что за идиотские шутки!

– Да нет, какие шутки. Если подумать, такое решение всех устроит, Фил.

– А Джуди?

– Попросимся в кабинет и поговорим с ней. Скажем, что Монтгомери хочет судиться и настаивает, что действовал в порядке самозащиты. Еще скажем, что у прокуратуры нет уверенности в виновности обвиняемого из-за отказа пострадавшего – влиятельного члена преступной группировки – сотрудничать с правосудием. Джуди сама выступала обвинителем до того, как стала судьей. Кто знает, может, мой клиент вызовет у нее больше сочувствия, чем подстреленный наркодилер.

Хеллман надолго задумался. Шампейн уже покончила с предыдущим делом и велела помощнику привести Монтгомери. Он был последним в списке на сегодня.

– Теперь или никогда, Фил!

– Ладно, – решил Хеллман, встал и направился к своему столу.

– Ваша честь, – провозгласил он, – не могли бы юристы, участвующие в деле, предварительно обсудить его в кабинете судьи?

Джудит Шампейн, судья опытный и все повидавший, подняла брови.

– С занесением в протокол, джентльмены? – осведомилась она.

– Думаю, в этом нет необходимости, – сказал Хеллман. – Мы хотели бы обговорить условия досудебного соглашения.

– В таком случае сделайте одолжение.

Она с достоинством поднялась и двинулась в свой кабинет. Мы с молодым обвинителем пошли следом. По пути я наклонился к его уху и шепнул:

– Уже отбытый срок, само собой, вычитается?

Хеллман резко затормозил.

– Ты... ты...

– Шучу, шучу, – быстро сказал я, поднимая руки кверху.

Он хмуро отвернулся и зашагал дальше. Что ж, попытка не пытка.

Глава 10

Четверг, 18 февраля, 07:18

За завтраком царило молчание. Мэделин Босх ковыряла ложкой кукурузные хлопья, но количество их в тарелке почти не уменьшалось. Гарри Босх знал, чем расстроена дочка – не тем, что отец уезжает, и не тем, что не берет ее с собой. Такие поездки случались изредка и ско-

рее радовали девочку. Ей не нравилось, с кем на этот раз придется оставаться. Мэделин скоро исполнилось четырнадцать, и она предпочла бы ночевать дома одна или хотя бы у подруги по соседству, но никак не с миссис Бамбро из школы.

Босх знал, что девочка вполне справится одна, однако не был пока готов ее оставить. Мэделин жила с ним всего несколько месяцев, с тех пор как потеряла мать, и он не мог решиться, как она ни настаивала.

Он вздохнул и отложил ложку.

– Послушай, Мэдди, завтра тоже школьный день. Когда ты оставалась с Рори, вы не спали всю ночь, а потом чуть не уснули на уроках. Учителя были недовольны, и родители Рори тоже.

– Я же сказала – такое больше не повторится!

– Давай сделаем так: я скажу миссис Бамбро, что Рори может побыть с тобой, только не до ночи. Приготовите вместе уроки, поиграете...

– Как же, придет она, когда со мной тут училка сидит. Спасибо, папочка!

Босх с трудом удержался от улыбки. Теперь все было проще, не то что прошлой осенью. Они продолжали ходить к психологу, и Мэделин уже не так часто вспоминала о своей потере.

Он взглянул на часы:

– Ладно, хватит размусоливать с завтраком, кинь посуду в мойку. Пора ехать.

– Тогда уж рассусоливать, – поправила она. – Говори правильно.

– Хорошо, рассусоливать. Все?

– Да.

– Отлично, собирайся.

Босх встал из-за стола и зашел в спальню за своей дорожной сумкой. Он отправлялся налегке, рассчитывая управиться к завтрашнему дню, а если повезет, то и к вечеру.

Мэдди уже ждала у двери, вскинув рюкзачок на плечо.

– Готова?

– Нет, – фыркнула она, – просто так здесь стою.

Он подошел и быстро чмокнул ее в макушку, пока она не успела отскочить.

– Попалась!

– Ну, па-а-па!

Заперев за собой дверь, он забросил сумку в багажник «мустанга».

– Ключи не забыла?

– Нет!

– Я на всякий случай...

– Может, уже поедem?

По пути оба молчали. Спустившись с холма, Босх притормозил у школьной стоянки, где Сю Бамбро принимала детей, выходящих из машин, и провожала к входу.

Босх повернулся к дочери:

– Значит, договорились: звони, шли сообщения, как хочешь – только чтобы я знал, что у тебя все в порядке.

Мэделин хмуро кивнула:

– Я выйду здесь.

Она открыла дверцу и выскочила, не дожидаясь, пока автомобиль поравняется с учительницей. Потом потянулась за рюкзачком.

– Счастливо съездить, папа!

Он вздохнул. Вот и все.

– Счастливо оставаться, дочка!

Дверца захлопнулась. Босх тронул с места и, поравнявшись со Сю Бамбро, опустил стекло. Она заглянула внутрь.

– Привет, Сью! – улыбнулся он. – Мэдди немного расстроена, но к вечеру будет в порядке. Я разрешил ей пригласить в гости Аврору Смит, только не допоздна. Может, хоть уроки вместе поделают...

– Не волнуйся, Гарри, мы справимся.

– В кухне на подоконнике чек и еще немного денег на всякий случай.

– Спасибо, Гарри! Можешь на меня положиться, только предупреди, если будешь задерживаться.

Он замялся, глядя в зеркало на подъезжавшие машины. Задерживать их не хотелось.

– В чем дело, Гарри?

– Э-э-э... если сказать «размусоливать» – это будет неправильно?

Сью улыбнулась:

– Она тебя поправляет? Это нормально, не обижайся. Мы их тут муштруем, а они отыгрываются на домашних. Лучше сказать «рассусоливать».

Автомобиль позади нетерпеливо просигналил – кто-то из родителей тоже спешил на работу. Босх кивнул Сью, махнул на прощание рукой и выехал на дорогу.

Свирепая Мэгги позвонила накануне вечером и сказала, что из Бербанка рейсов нет, так что надо лететь прямым из международного аэропорта. Предстояли долгие мучения в утренних пробках. Рядом проходила Голливудская автострада, но она была бесполезна. Босх поехал по Хайленд-авеню через Голливуд и свернул на бульвар Ла-Сьенега. У нефтяных скважин в Болдуин-Хиллз был затор, пришлось гнать по Ла-Тихера, наверстывая упущенное, и оставить машину в гараже у самого аэропорта – добираться на автобусе с дешевой стоянки времени не оставалось.

Заполнив анкету для сотрудников полиции и миновав контроль в сопровождении чиновника из транспортной безопасности, Гарри едва успел пройти на борт в числе последних пассажиров. Мэгги Макферсон среди них не было.

Он предъявил полицейский жетон, обменялся рукопожатиями с экипажем и стал пробираться в хвост самолета, где у них с Мэгги были места у аварийного выхода друг напротив друга через проход. Она уже сидела в своем кресле, держа в руке высокий старбаксовский стаканчик с кофе.

– Я уж и ждать перестала.

– Едва успел. И как ты только ухитрилась приехать так рано, у тебя же дочка, как моя.

– Закинула ее Микки вчера вечером.

Босх кивнул.

– Отличные места, есть куда ноги девать.

– У нас хороший турагент, потому я и взялась организовать поездку. Счет за тебя пришлют в полицейское управление.

– Что ж, желаю удачи, – усмехнулся он, забрасывая сумку на полку и пристегиваясь.

Из кармана на спинке кресла перед Мэгги торчали две толстые папки. У Босха материалы дела лежали в сумке. Он достал блокнот, но едва повернулся, чтобы задать вопрос, как подошла стюардесса.

– Вы из полиции?

– Да. На борту проблемы?

Однако стюардесса всего лишь сообщила, что в салоне первого класса осталось свободное место, и предложила туда перейти.

– О, спасибо большое, – улыбнулся Босх, – передайте мою благодарность капитану... К сожалению, не смогу.

– Никакой дополнительной платы...

– Нет, не в этом дело. Видите ли, я лечу с дамой, она мой начальник, прокурор, и мне, то есть нам, нужно обсудить результаты расследования.

Стюардесса выслушала, кивнула и пошла по проходу назад.

Мэгги шутливо подняла брови:

– Я думала, рыцарей на свете больше не осталось. Отказаться от первого класса ради моего общества!

– На самом деле я должен был уступить место тебе – вот это было бы рыцарством.

– Гляди, она возвращается.

Стюардесса снова подошла и сказала с улыбкой:

– Мы пересадили нескольких пассажиров, теперь есть места для вас обоих.

Босх забрал сумку и двинулся следом за Макферсон. Она обернулась с лукавой улыбкой:

– Не получилось с рыцарством.

– Увы, – кивнул он.

Новые места были в первом ряду, бок о бок. Мэгги села у окна. Вскоре самолет взмыл в воздух. Лететь до Сиэтла предстояло три часа.

– Микки сказал, что наша дочь никогда не виделась с твоей, – заговорила Мэгги.

Он кивнул:

– Да, нехорошо получается.

– Вот именно. Они ведь одноклассники и даже похожи, судя по фотографиям.

– У ее матери было что-то общее с тобой. И цвет волос, и...

И темперамент, мысленно добавил Босх. Он достал телефон и, включив, показал фотографию Мэдди.

– Поразительно! – воскликнула Макферсон. – Как родные сестры!

– У нее был тяжелый год, – сказал он, глядя на фото. – Потеряла мать, переехала в другую страну, через океан. Рассталась со всеми своими друзьями. Я старался не торопить события, дать ей привыкнуть.

– Тем более надо познакомить ее с родственниками.

Босх снова кивнул. За последний год брат много раз звонил и предлагал встретиться семьями, но он уклонялся – то ли из-за Мэдди, то ли самому было неохота.

Почувствовав, что тема исчерпана, Макферсон разложила столик и снова вытащила папки.

– Поработаем? – спросил Босх, убирая телефон.

– Да, хотелось бы подготовиться.

– Что будем ей говорить? Я думал для начала просто удостоверить личность, а потом выяснить, захочет ли она давать показания.

– И не упоминать о тесте ДНК?

– Вот именно, иначе вместо согласия можно получить отказ.

– С другой стороны, она имеет право знать.

– Узнает потом. Столько лет прошло. В ее прошлом было много черных полос, неизвестно, какой она стала... Приедем – увидим.

– Тогда действуем по обстоятельствам. Скажем, если почувствуем, что можно.

– Короче, сама решишь.

– Хорошо то, что ей придется давать показания только один раз, на основном процессе, никаких предварительных слушаний или Большого жюри. Все уже было в восемьдесят шестом, и отменен только приговор.

– Еще хорошо, что ты сама ею займешься.

– Да.

Работать с основным свидетелем, конечно же, следовало Мэгги Макферсон – в отличие от Холлера она была профессиональным обвинителем.

– А со мной кто и что я буду делать? – спросил Босх.

– Пока не думали. Возможно, Джессап все-таки даст показания. Микки так считает. Думаю, тебе придется зачитывать присяжным кучу выдержек из показаний на первом процессе.

Она захлопнула папку. Больше обсуждать было нечего.

Остаток полета прошел за разговорами о дочерях и просмотром иллюстрированных журналов, которые разносили стюардессы. Самолет приземлился в аэропорту Си-Так раньше времени, там путешественники взяли напрокат машину и направились на север. Босх сел за руль. В автомобиле действовала система навигации, но у Мэгги и без того были подробные инструкции, полученные от секретаря прокуратуры. Миновали Сиэтл, въехали на паром, чтобы пересечь залив Пьюджет-Саунд. Заказали кофе в палубном буфете, выбрав столик у окна. Босх задумчиво смотрел на волны.

– Что-то не так, Гарри? – вдруг спросила Макферсон.

Он пожал плечами:

– Странное дело. Преступник двадцать четыре года в тюрьме, а мы его выпускаем...

– Я не о деле, – улыбнулась она. – Ты какой-то невеселый.

Босх заглянул в чашку с кофе. Он держал ее обеими руками – не из-за качки, а потому что было холодно.

– А, вот что...

Он надолго замолчал. Можно ли раскрываться перед этой женщиной? Знакомы всего неделю, а она уже лезет в душу.

– Столько дел, нет времени радоваться, – сказал он наконец.

– Микки рассказал мне кое-что о Гонконге, – призналась Мэгги. – О том, что случилось с твоей дочкой.

Босх кивнул. Всего Мэгги, конечно, не знала. Не знал никто, кроме Мэделин и его самого.

– Да, ей пришлось многое пережить. Наверное, в этом дело. Радоваться жизни я смогу только вместе с ней – когда только, неизвестно...

Глаза Мэгги светились сочувствием. Босх улыбнулся и добавил:

– Обязательно как-нибудь соберемся все вместе.

– Конечно, – кивнула она.

Глава 11

Четверг, 18 февраля, 13:30

В «Лос-Анджелес таймс» появилась большая статья о том, как Джейсон Джессап провел первый за четверть века день на свободе. Репортер и фотограф встретились с ним рано утром на пляже, где сорокавосемилетний бывший заключенный вспоминал увлечение своей юности. На взятой напрокат доске он вначале стоял нетвердо, но вскоре уверенно оседлал волну прибою. Фото Джессапа с раскинутыми для равновесия руками и лицом, запрокинутым к небу, красовалось на первой странице. Двадцать лет тюремных тренажеров не прошли даром – мышцы перевивали его поджарое тело, словно канаты.

Следующей остановкой после пляжа была сетевая закусочная в Вествуде, где Джессап наслаждался гамбургерами и картошкой фри с несметным количеством кетчупа. Потом он отправился в шикарный офис Ройса в деловом центре города и там два часа общался с командой адвокатов, представляющих его в уголовном и гражданском процессах. Туда журналисты не допускались.

Затем в «Китайском театре» на бульваре Голливуд Джессап посмотрел «Остров Проклятых», причем купил ведро поп-корна, которого хватило бы семье из четырех человек, и съел все до последней крошки. Вернувшись на Венис-Бич – старый приятель по серфингу уступил

ему комнату в своей квартире, – он завершил день на том же пляже, где устроил барбекю в компании поклонников, ни разу не усомнившихся в его невиновности.

Цветные фотографии занимали весь главный разворот. Трудно придумать материал более выигрышный, чем история о торжестве справедливости, и газетчики явно предвкушали журналистские лавры, которые получают, когда долгий путь Джессапа к свободе закончится наконец полным триумфом.

На самом крупном фото сияла улыбкой физиономия Джессапа перед пластиковым подносом с огромным двойным чизбургером и картошкой, залитой кетчупом и расплавленным сыром. Подпись под снимком гласила:

Чему улыбается этот человек?

Джейсон Джессап пробует свой первый «дабл-дабл» за двадцать четыре года!

«Я мечтал об этом целую вечность!» – говорит он.

Дальше был Джессап в кино с ведром поп-корна, Джессап на пляже с бутылкой пива, Джессап, обнимающийся с другом, а также входящий в стеклянную дверь под вывеской «Адвокатская контора Ройса» – все со столь же оптимистичными подписями. По тону репортажа никак нельзя было предположить, что речь идет о человеке, по-прежнему обвиняемом в похищении и убийстве ребенка. Упоминалось лишь, что Джессап не может в полной мере планировать свое будущее, пока не разрешены «юридические вопросы».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.